

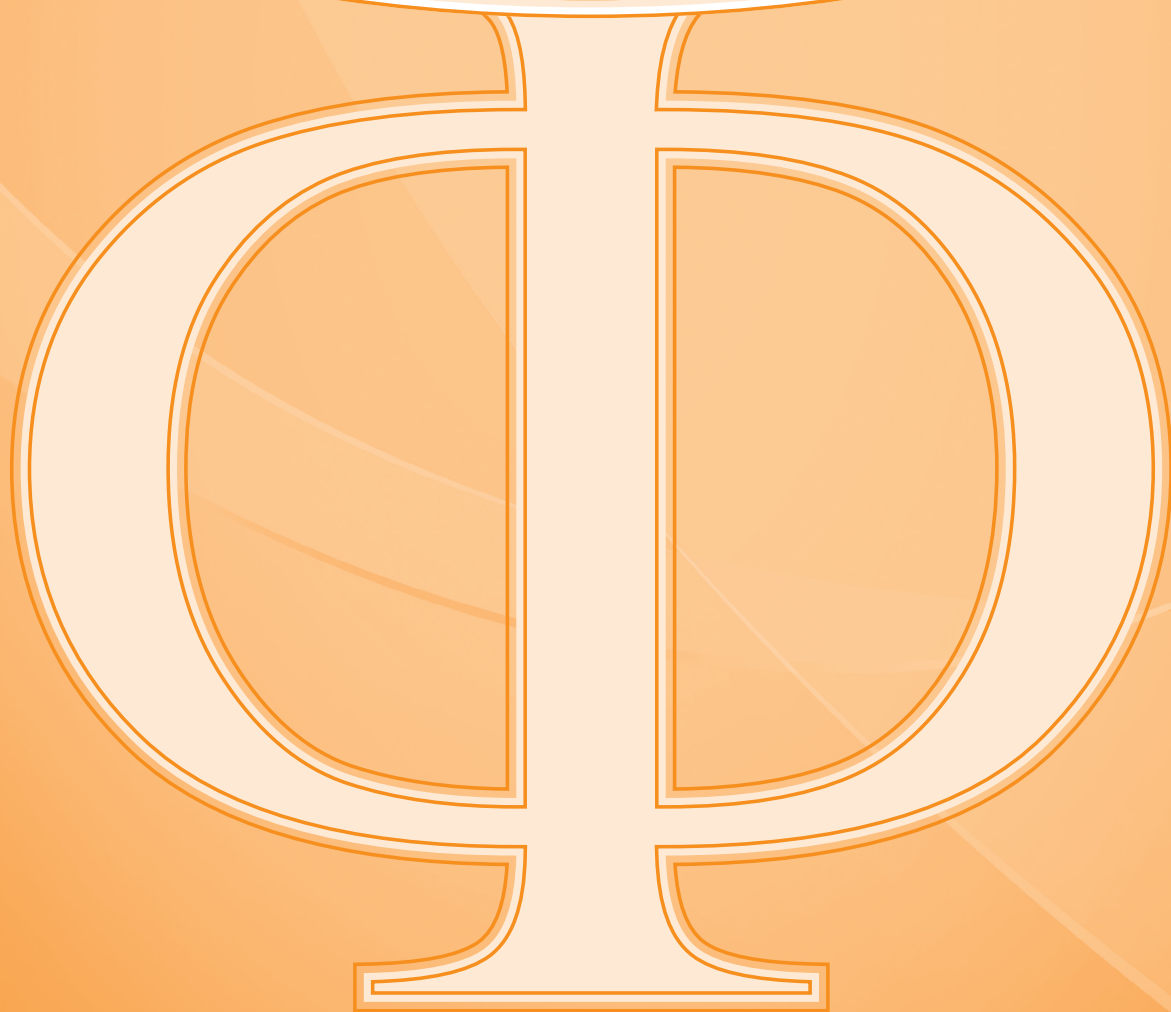
ISSN 2587-7844

СИБИРСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ

ФОРУМ

2019. № 1 (5)

Учредитель

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева (КГПУ им. В.П. Астафьева)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл № ФС 77-70429 от 20 июля 2017 г.

Языки: русский, английский

Доменное имя сайта в информационно-телекоммуникационной сети Интернет (для сетевого издания): SIBFIL.RU

История журнала

В 2016 г. на базе университета был проведен Сибирский филологический форум, собравший филологов России и зарубежья и ставший местом дискуссий и обмена идеями, наработками, проектами. Данное событие послужило поводом для создания журнала, на страницах которого не одновременно, а регулярно можно было бы проводить подобные обсуждения, делать обзоры, сообщать о значимых событиях в области филологии

Задачи и тематика журнала

Публикация оригинальных научных исследований по филологии 10.00.00

Дискуссии и обзоры по актуальным проблемам филологии

Рецензии на статьи и монографии российских и зарубежных филологов

Освещение научных филологических событий (конференций, круглых столов, семинаров, научных школ)

Хроники региональных исследований

Все статьи проходят трехступенчатое рецензирование

Издательство

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева. Россия, 660049, Красноярск, ул. А. Лебедевой, 89, каб. 3-20а

Индексирование

Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Редакционная коллегия

Editorial board

Васильева С.П., доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева (главный редактор)
Vasilieva S.P., Doctor of Philology, Professor, Krasnoyarsk state pedagogical University named after V.P. Astafiev (Editor-in-chief)

Ковтун Н.В., доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева (зам. главного редактора)
Kovtun N.V., Doctor of Philology, Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev (Deputy Editor-in-chief)

Васильев А.Д., доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
Vasiliev A.D., Doctor of Philology, Professor, Krasnoyarsk state pedagogical University named after V.P. Astafiev

Бенет Винсент, доктор филологических наук, профессор, INALCO (Франция)
Benet Vincent, Doctor of Philology, Professor, INALCO (France)

Войводиц Ясмينا, доктор филологических наук, профессор, Университет Загреб (Хорватия)
Voyvodich Yasmína, Doctor of Philology, Professor, University of Zagreb (Croatia)

Игнатьева Т.Г., доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
Ignatieva T.G., Doctor of Philology, Professor, Krasnoyarsk state pedagogical University named after V.P. Astafiev

Йонг-Хван Парк, PhD, профессор, PAI CHAI UNIVERSITY (Корея)
Yong-Hwan Park, PhD, Professor, PAI CHAI UNIVERSITY (Korea)

Керо Энрике, Университет Гранады (Испания)
Kero Enrique, University of Granada (Spain)

Осетрова Е.В., доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
Osetrova E.V., Doctor of Philology, Professor, Krasnoyarsk state pedagogical University named after V.P. Astafiev

Пикколо Лаура, профессор, Университет РИМ-3 (Италия)
Piccolo Laura, Professor, RIM-3 University (Italy)

Проскурина Е.Н., доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт филологии СО РАН (Новосибирск)
Proskurina E.N., Doctor of Philology, Chief Researcher, Institute of Philology of SB RAS (Novosibirsk)

Протасова Е., доктор педагогических наук, кандидат филологических наук, Университет Хельсинки (Финляндия)
Protasova E., Doctor of Education, PhD in Philology, University of Helsinki (Finland)

Садырина Т.Н., кандидат филологических наук, доцент, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

Sadyrina T.N., PhD in Philology, Associate Professor, Krasnoyarsk state pedagogical University named after V.P. Astafiev

Самотик Л.Г., доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
Samotik L.G., Doctor of Philology, Professor, Krasnoyarsk state pedagogical University named after V.P. Astafiev

Тышковска-Каспршак Э., доктор филологических наук, профессор, Вроцлавский университет (Польша)
Elzbieta Tyszkowska-Kasprzak, Doctor of Philology, Professor, Wroclaw University (Poland)

Цветова Н.С., доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет
Tsvetova N.S., Doctor of Philology, Professor, St. Petersburg State University

Черняк В.Д., доктор филологических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург)
Cherniak V.D., Doctor of Philology, Professor, Herzen Russian State Pedagogical University (St. Petersburg)

Шмелёва Т.В., доктор филологических наук, профессор, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого (Великий Новгород)
Shmeleva T.V., Doctor of Philology, Professor, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod)

СОДЕРЖАНИЕ TABLE OF CONTENTS

ЯЗЫКОЗНАНИЕ LINGUISTICS

Васильев А.Д.
ВЕРБАЛЬНЫЕ ФОРМЫ
ВЫРАЖЕНИЯ ПАТРИОТИЗМА И.А. БУНИНА
В ЕГО ДНЕВНИКОВЫХ ТЕКСТАХ
Vasilyev A.D.
BUNIN'S VERBAL FORMS OF EXPRESSING
PATRIOTISM IN HIS DIARY TEXTS

Бурмакина Н.А., Хлякин О.С.
СООТНОШЕНИЕ СУБЪЕКТА
И ОБЪЕКТА РЕЧЕВЫХ СОБЫТИЙ
В ПРОИЗВЕДЕНИИ АРТЕМИЯ ВЛАДИМИРОВА
«С ВЫСОТЫ ПТИЧЬЕГО ПОЛЕТА»
Burmakina N.A., Khlyakin O.S.
CORRELATION OF THE SUBJECT
AND SPEECH EVENTS' OBJECTS
IN THE BOOK BY ARTEMUY VLADIMIROV
«FROM A BIRD'S EYE VIEW»

Низамутинова Т.М.
АССОЦИАТИВНОЕ ПОЛЕ *КИНО*
Nizamutina T.M.
ASSOCIATIVE FIELD OF CINEMA

Тимченко А.Г.
СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «ЖИЛИЩЕ»
В РУССКИХ ГОВОРАХ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ
(ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)
Timchenko A.G.
SEMANTIC FIELD OF «HOUSE»
IN THE RUSSIAN DIALECTS
OF THE KRASNOYARSK TERRITORY
(LINGUOCULTURAL ASPECT)

[47]

Устьянцева Е.В.
СТЕРЕОТИПНЫЙ ОБРАЗ ХЛЕБА
КАК ПИЩЕВОГО ПРОДУКТА ИЗ МУКИ
В ВИДЕ ИЗДЕЛИЯ ОПРЕДЕЛЕННОЙ ФОРМЫ
Ustyantseva E.V.
THE STEREOTYPICAL IMAGE OF BREAD
AS A FOOD PRODUCT MADE FROM FLOUR
IN THE FORM OF THE PRODUCT OF SOME FORM

[4]

[61]

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ LITERARY STUDY

Сазанов В.В.
ЭСХАТОЛОГИЧЕСКИЕ МОТИВЫ
В РОМАНЕ ДМИТРИЯ ГЛУХОВСКОГО «МЕТРО 2033»
Sazanov V.V.
ESCHATOLOGICAL MOTIFS IN THE NOVEL BY DMITRY
GLUKHOVSKY «METRO 2033»

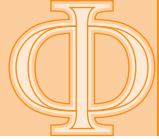
[24]

[68]

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

[39]

[78]

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2019-5-1-01>

УДК 801.82

ВЕРБАЛЬНЫЕ ФОРМЫ ВЫРАЖЕНИЯ ПАТРИОТИЗМА И.А. БУНИНА В ЕГО ДНЕВНИКОВЫХ ТЕКСТАХ

А.Д. Васильев (Красноярск, Россия)

Аннотация

Среди основных ценностей, имеющих статус сакральных для этносоциума, обычно фигурирует патриотизм. Однако, подобно другим фундаментальным морально-нравственным категориям, он может принимать существенно вариативные конкретные воплощения под влиянием тех или иных идеологических концепций и политических установок. Вследствие этого нередко возможна – в свете доминирующих в государстве аксиологических ориентиров – квалификация чьих-либо взглядов как патриотичных либо, напротив, антипатриотичных.

Характерным примером подобных оценок являются исторически недавние инвективы по адресу некоторых суждений великого русского писателя И.А. Бунина, откровенно враждебно встретившего и Октябрьскую революцию, и советскую власть, а потому якобы и не бывшего патриотом.

Цель статьи – объективная идентификация подлинной позиции И.А. Бунина по вопросам его отношения к Отечеству.

Для этого автор, учитывая известные публикации по указанной проблематике, уделяет преимущественное внимание в основном дневниковым текстам самого писателя периода Второй мировой войны. Контент-анализ фактического материала можно считать исчерпывающим.

В результате удастся прийти к обоснованным выводам о несомненном и многообразно выраженном И.А. Буниным чувстве его любви к Родине.

Подлинный патриотизм писателя был приложим все же к России не советской, память о которой он бережно хранил.

Ключевые слова: аксиологические ориентиры, фундаментальные ценности, патриотизм, И.А. Бунин, Вторая мировая война, дневниковые тексты.

*Ты видишь – я красы твоей не позабыл
И, сердцем чист, твой мир благословляю...
Обетованному отеческому краю
Я приношу остаток гордых сил.*

И.А. Бунин, 1890 г.

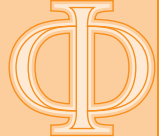
У любого этносоциума присутствует своя система ценностей. В каждом конкретном случае наборы аксиологических ориентиров могут быть чрезвычайно вариативны – вплоть до полной противопоставленности. Впрочем, это, как правило, не исключает наличия некоторых общепринятых установок, разделяемых представителями самых разных макрогрупп, у которых, конечно же, и они способны реализоваться в различных модификациях, при этом мани-

фестируя в том или ином словесном обличье вербальные экспликации изначальной семиотической оппозиции *сакральный / профанный (свой / чужой* и т.п.).

Среди таких фундаментальных ценностей, принимаемых, наверное, многими этносами в качестве сакральных (хотя и здесь имеются очевидные исключения), можно отметить патриотизм. Эта социально-нравственная категория, по видимому, уходит своими корнями в глубины истории человечества и возникла первоначально из естественного ощущения необходимости самообороны коллектива, что впоследствии получило дополнительную аргументацию – вроде религиозных вероучений – и обростало широкой разветвленной системой символов как исконно духовного (герб, флаг, гимн, ритуалы и проч.), так и вполне материального свойства (маркированность пространственных пределов государства, установление режима пограничной охраны и т.д.).

Надо сказать, что массовое патриотическое чувство может быть видоизменено и даже глубинно трансформировано в результате единичных или совокупных внешних воздействий. Если изначально, как считал еще А.С. Пушкин, национальная ментальность складывается под воздействием ряда факторов («климат, образ правления, вера дают каждому народу особенную физиономию» [Пушкин, 1978, с. 28]), то она может быть перестроена вследствие мощных информационно-психологических атак, производимых, как правило, в преддверии, в продолжение и для окончательной фиксации итогов широкомасштабных социально-политических катаклизмов.

Так, известно, что в Советском Союзе был декларирован патриотизм совершенно особого рода, прочно привязанный к существовавшему государственному строю – то есть *советский патриотизм* (ни в коем случае не принимаем кощунственных по сути своей попыток осквернения священного героизма участников Великой Отечественной войны и иных эпохальных свершений наших сограждан). Об этом можно судить по некоторым лексикографическим данным. См., например, следующие словарные дефиниции и иллюстрации: «*патриотизм* – любовь к родине, преданность своему отечеству, своему народу». «Патриотизм – одно из наиболее глубоких чувств, закрепленных веками и тысячелетиями обособленных отечеств». Ленин, «Ценные признания Питирима Сорокина». «Мы должны воспитывать всех трудящихся СССР в духе пламенного патриотизма, в духе безграничной любви к своей Родине». М. Калинин, «О коммунистическом воспитании» [МАС₂, т. III, 1983, с. 33] – ср.: «*советский* – такой, который относится к государственной власти Советов; такой, который относится к СССР, принадлежит СССР; такой, который изготавливается, производится и т.п. в Советском Союзе»; здесь среди прочих компонентов словосочетаний с прилагательным *советский* естественно упомянут и *патриотизм* [Словарь сочетаемости..., 1983, с. 528]. Правда, в Стране Советов поощрялись не все разновидности патриотизма: «*квасной патриотизм* – огульное восхваление всего своего, даже отсталых форм жизни и быта и порицание всего чужого» [МАС₂, т. II, 1982, с. 44].

Однако в перестроечно-реформаторский период была развернута грандиозная подрывная пропагандистская кампания, в ходе которой, наряду с другими, само понятие «патриотизм» (и уже не только *советский*) стало мишенью ожесточенной критики в СМИ, тиражировавших речи политиков, политиканов, представителей так называемой «творческой интеллигенции» и прочих корыстолюбивых патологических говорунов, многие из которых, в отличие от абсолютного большинства этнических русских, имеют про запас то, что они сами именуют «исторической родиной», да к тому же, как один «телеакадемик», – двойное и тройное гражданство. При этом всячески поощрялся космополитизм (видимо, как одна из смутных «общечеловеческих ценностей» – см. [Васильев, 2013, с. 187–201]).

Вполне закономерно, что доминирующие тенденции массового словоупотребления – или же то, что за них принималось на основе выборок материала из периодических изданий, – получили отражение в лексикографии. Так, в одном из известных словарей гнездо существительного *патриот* было представлено группой слов, окрашенных пейоративной коннотацией, либо же (согласно мнению составителей) долженствующих по природе своей быть только инвективными: *национал-патриот, национал-патриотизм, национал-патриотический, патриотический, псевдопатриот, псевдопатриотизм, ультрапатриот, ультрапатриотический, ура-патриот, ура-патриотический*. Значение же самого слова *патриот*, снабженного очевидно ограничительной пометой *полит.*, толкуется лишь через его якобы абсолютный синоним: «национал-патриот», а *национал-патриотизм*, в свою очередь, – «*полит. неодобр.* ‘идейно-политическое движение конца 80–90-х гг., выступающее за сохранение национальных исторических культурных ценностей и традиций России на почве крайнего национализма’» [ТССРЯ, 2001, с. 498–499].

Нередко подобным нравственным метаморфозам подвержены и отдельные известные речедеятели, которые, как шутили в советские времена, «колеблются вместе с генеральной линией партии».

Например, кинобизнесмен Н. Михалков во времена правления ельцинской Семьи и семибанкирщины публично – в телевыступлениях – поучал аудиторию афоризмом: «Патриотизм – последнее прибежище негодяя» и находил явную ущербность в самом этнониме *русский*, поскольку «да *русский* вообще – это имя прилагательное!» (Зеркало, РТР, 21.02.99) (между прочим, как заметил по поводу аналогичного заявления одного литератора академик О.Н. Трубачев, «имей он чуть больше знаний, <…>, то согласился бы, что дело обстоит иначе. Названия (самоназвания) наций, народов вообще, как правило, адъективны: все эти *Español, Italiano, Français, Deutsch, American, Magyar, Suomalainen* – прилагательные; <…>они типологически однородны с нашим самоназванием» [Трубачёв, 1997, с. 266]).

Однако с приходом нового (правлящего и сегодня) российского руководства, особенно в последние годы, когда официальная пропаганда, вслед за действующим президентом, стала все чаще вспоминать о каких-то «традиционных ценностях», а в числе их – конечно же, и о патриотизме, когда куда бóльшую актуальность обрели суждения вроде: «Если патриотизм – последнее прибежище него-

дя, то антипатриотизм – его первое прибежище» [Поляков, 2007, с. 121], направленность высказываний Н. Михалкова радикальным образом изменилась. Теперь уже именно он в личине «бесогона» отважно отстаивает те самые «традиционные ценности», утверждение которых (хотя бы на словах) активно поощряется властями предрержащими. Наверное, можно допустить чудесные озарения, волшебные прозрения и проч., но главная причина подобных метаморфоз, по-видимому, вполне материальна (при желании в подобных случаях есть вероятность усмотреть некую любопытную преемственность; скажем, когда известный стихотворец сначала сочиняет текст советского государственного гимна, а несколько десятилетий спустя столь же вдохновенно и чистосердечно слагает строки гимна для государства уж совсем не советского) (разбивка здесь и далее наша. – А.В.).

Впрочем, магические самопревращения творческих личностей совершаются не только на отечественной почве; так, немецкий поэт Х. Бауман, в 1933 г. опубликовавший нацистский марш «Завтра будем маршировать мы!» («Сегодня нам принадлежит Германия, / А завтра – весь мир!»), который в Третьем рейхе был сделан чрезвычайно популярным, после 1945 г. стал детским писателем (см. [Душенко, 2006, с. 38]).

Довольно популярна фраза М. Булгакова: «О, как труден путь певца под постоянным наблюдением грозной власти!» [Булгаков, 1990], поскольку ее неоднократно использовали при поношении так называемого «советского тоталитаризма», «цензурного гнета» и прочих нехороших явлений, прочно сковывавших пресловутую «свободу творчества». Гораздо реже вспоминают почему-то другие фразы из того же булгаковского текста: «... Актеры до страсти любят вообще всякую власть. Да им и нельзя ее не любить! Лишь при сильной, прочной и денежной власти возможно процветание театрального искусства. <...> Это и так ясно» [Булгаков, 1990, с. 265] (кстати, нельзя не заметить, что при воцарении упомянутой свободы почему-то шедевров в искусстве – точнее, в шоу-бизнесе – появилось, мягко говоря, немного, и это при стабильном госбюджетном финансировании театра, кинематографа и проч.).

Конечно, в официальной риторике многое изменилось: по крайней мере, с 1994 г. с подачи Е. Боннер настойчиво материализуются фантомные «россияне» (подробнее см. [Васильев, 2003, с. 202–204; Васильев, 2013, с. 404–415]); усиленно конструируются «российский народ» и даже «российская нация» (ср.: «Наша задача заключается в том, чтобы создать полноценную *российскую нацию* при сохранении идентичности всех народов, населяющих нашу страну» – так выразился президент Д. Медведев, выступая в феврале 2011 г. на заседании президиума Госсовета, посвященном укреплению межнационального согласия в России (Memoid.ru)). Памятно ведь, что уже был прецедент создания «новой исторической общности людей – советского народа», и хорошо известно, чем этот эксперимент закончился... Тем не менее сегодня изобретают «общероссийский патриотизм» – фантом, адекватный мифической «российской нации». Сей вербальный артефакт официально является, вероятно, продуктом мышления государственного деятеля, какое-то время бывшего председателем правительства РФ. Высту-

пая на заседании Госсовета и Совета по нацпроектам (последние действительно были декларированы и даже, кажется, полномасштабно профинансированы из госбюджета!) 27 декабря 2010 г., В.В. Путин говорил, в частности: «Мы все родом из Советского Союза. Но в Советском Союзе не было таких проблем с межнациональными отношениями. Советской власти удалось создать обстановку межнационального и межконфессионального мира <...>. Советской власти удалось создать некую субстанцию, которая оказалась над межнациональными отношениями, но [!] носила идеологический характер. Даже придумали общность людей – советский народ <...>. Мы говорим про российский народ, но это пока [!] не то <...>. Мы не смогли найти эквивалента того, что было в Советском Союзе изобретено. Есть только одно, что может заменить то, что было в Советском Союзе. Это общероссийский патриотизм <...>. Нужно, чтобы каждый человек гордился своей страной и понимал, что от успеха всей страны зависит успех каждого и наоборот» (<http://www.vesti.ru/doc.html?id=417067&cid=5>).

Остается лишь добавить, что никакой народ не может возникнуть исторически моментально, по чьей-то персональной команде, даже если это указ президента: нации складываются, кристаллизуются в течение долгого времени. И коль скоро так называемого «русского народа» в реальности не существует, то и «общероссийский патриотизм» – совершенно искусственный мифоген.

* * *

Вынесенные в эпиграф данной статьи стихи были написаны двадцатилетним И.А. Буниным. Еще ранее он начинает свои знаменитые впоследствии «Дневники» (первая запись датирована 1881 г., далее цит. по: [Бунин, 1988, с. 309–540]). Важно отметить суждение уже зрелого мемуариста (1916): «...Дневник – одна из самых прекрасных литературных форм. Думаю, что в недалеком будущем эта форма вытеснит все прочие» [Бунин, 1988, с. 359].

Цитируемому здесь и далее шеститомному изданию предпослана статья А.Т. Твардовского «О Бунине», опубликованная ранее, еще в 1965 г., в совершенно иной социально-политической обстановке в СССР, еще не подточенной «перестройкой». Вряд ли абсолютно уверенно сегодня возможно определить степень тогдашней искренности создателя Василия Теркина, но что написано пером...

Инвективы советского поэта (иногда в меру фрондерствовавшего) по адресу автора предельно, до натурализма откровенной, во многом провидческой «Деревни», творца «Жизни Арсеньева» и других мастерских текстов, конечно же, вполне гармонируют с тогдашним официальным отношением к творчеству Бунина не только эмигрантского периода, но в первую очередь к «Окаянным дням», «где язык искусства, взыскательный реализм, правдивость и достоинство литературного изъяснения просто покидают художника, оставляя в нем лишь иссушающую злобу “его превосходительства, почетного члена императорской Академии наук”, застигнутого бурями революции и терпящего от них порядочные бытовые неудобства и лишения...» [Твардовский, 1988, с. 26]. Почему, собственно, И.А. Бунин, как и многие подобные ему, непременно должен был бы радостно встретить революцию – совершенно непонятно.

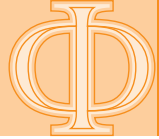
Да и не одни лишь «бытовые неудобства и лишения» были крайне неприятны Бунину. Даже в очевидно купированном тексте «Дневников» легко обнаружить эпизоды, наглядно объясняющие отношение писателя ко многим современным ему российским событиям.

Например: «[11 июня 17 г.] Чувство страшного возмущения. Никаких законов – и все власть, все, за исключением, конечно, нас. Волю “свободной” России почему-то выражают только солдаты, мужики, рабочие. Почему, напр., нет совета дворянских, интеллигентских, обывательских депутатов?» [Бунин, 1988, 6, с. 366]. – «[2 августа 1917 г.] Разговор, начатый мною, опять о русском народе. Какой ужас! В такое небывалое время не выделил из себя никого, управляется Гоцами, Данами, каким-то Авксентьевым, каким-то Керенским и т.д.!» [Бунин, 1988, с. 370]. – «[4 ноября 1917 г.] Сильно плакал. Восемь месяцев страха, рабства, унижений, оскорблений!» [Бунин, 1988, с. 399]. – «[Ночь на 24 апреля 1919 г.] ... В тысячетлетнем и огромном доме нашем случилась великая смерть, и дом был теперь растворен, раскрыт настежь и полон несметной праздничной толпой, для которой уже не стало ничего святого и запретного ни в каком из его покоев» [Бунин, 1988, с. 417] – и многие другие подобные суждения высказывает мемуарист. Понятно, что ему приходилось (как и впоследствии в эмиграции) переносить суровые «бытовые неудобства и лишения», вплоть до голода, – но ведь они очевидно сопрягались с муками нравственными, происходившими от ясного осознания своей униженности, оскорбленности – и острого ощущения собственного бесправия, от чего вряд ли может легко избавить даже самый утонченный комфорт.

* * *

И.А. Бунин в «Дневниках» очень скупно выражает свое отношение к Родине; здесь нет широковещательных душевных излияний, и чуть ли не единственный пример откровенного высказывания: «[26 июля 1891 г.] Церковь Спаса-на-Бору. Как хорошо: Спас на бору! Вот это и подобные русское меня волнует, восхищает древностью, моим кровным родством с ним» [Бунин, 1988, с. 314], – впрочем, высказывания, обращенного более к прошлому, нежели к настоящему. Последнее обычно находит отклик в беллетризованных зарисовках вроде: «[3 июня 1893 г.] Приехал верхом с поля, весь пронизанный сыростью прекрасного вечера после дождя, свежестью зеленых мокрых ржей. Дороги чернели грязью между ржами. Ржи уже высокие, выколосились. В колеях блестела вода. Впереди передо мной, на востоке, неподвижно стояла над горизонтом гряда румяных облаков. На западе – синие-синие тучи, горами. Солнце зашло в продольную тучку под ними – и золотые столпы уперлись в них, а края их зажглись ярким кованым золотом. На юге глубина неба безмятежно ясна. Жаворонки. И все так привольно, зелено кругом» [Бунин, 1988, с. 314–315] и под.

Такие пейзажные зарисовки нередки и в дневниках писателя периода эмиграции. В некоторых случаях присутствуют прямые ассоциации с картинами русской природы, например: «[15 сентября н. ст. 1921 г.] Нынче в 3 уезжаем из Висбадена. – А какая погода! Дрозды в лесу, в тишине – как в России» [Бунин, 1988, 6, с. 435]. –

«[31 октября 1931 г.]... Вспомнил вечер нынешней весной, похожий на русский, когда возвращались с Фондаминскими из С.-Валье...» [Бунин, 1988, с. 446]. – «[3 октября 1932 г.] В городе ярмарка St. Michel, слышно, как режут коровы. И вдруг страшное чувство России, тоже ярмарка, рев, народ – и такая безвыходность жизни! Отчего чувствовал это с такой особенной силой в России? Ни на что не похожая страна» [Бунин, 1988, с. 446]. – «[13 октября 1933 г.] Едем в Cannes. Хороший день, что-то под одесское осеннее. Море похоже на Черное» [Бунин, 1988, с. 449]. – «[14 декабря 1941 г.] Прекрасный день, солнечный и теплый – как в России в начале сентября» [Бунин, 1988, с. 509] и под.

Во многих эпизодах выражается вполне естественная ностальгия: «[6 мая 1921 г.] Нынче прелестный день, теплый – весна, волнующая, умиляющая радостью и печалью. И эти пасхальные напевы при погребении. Все вспоминалась молодость. Все как будто хоронил я – всю прежнюю жизнь, Россию...» [Бунин, 1988, с. 433]. Хотя – гораздо позднее: «[20 января 1944 г.] Просмотрел свои заметки о прежней России. Все думаю, если бы дожить, попасть в Россию! А зачем? Старость уцелевших <...>, кладбище всего, чем жил когда-то...» [Бунин, 1988, с. 525, 532].

Значительное место в «Дневниках», по крайней мере с начала 1920-х гг., занимают мысли автора о его близкой кончине, записи (иногда довольно подробные) о состоянии своего здоровья и т.п.

Однако более интересными в избранном нами аспекте исследования представляются дневниковые фрагменты периода Великой Отечественной войны (конечно же, сам Бунин ни разу не использует столь «советское» наименование).

* * *

Упоминания о событиях, вызванных гитлеровским (а точнее, понятно, – почти всеевропейским) нападением на СССР, в «Дневниках» довольно многочисленны: их более восьмидесяти. Среди них велик удельный вес беспристрастно хроникальных регистраций фактов, вроде: «[14 июля 1941 г.] Немцы говорят, что уже совсем разгромили врага, что *взятие Киева – вопрос нескольких часов*» (курсив И.А. Бунина. – *А.В.*). Идут и на Петербург» [Бунин, 1988, с. 498] – напомним по поводу последнего топонима – это наблюдается и в других случаях, – что писатель совершенно отвергал советские переименования. – «[19 сентября 1941 г.] Во время обеда радио: *взята Полтава. В 9 часов: взят Киев*» (курсив И.А. Бунина. – *А.В.*). – «[31 декабря 1941 г.] Русские взяли Керчь и Феодосию» [Бунин, 1988, с. 514]. – «[6 ноября 1943 г.] Взят Киев» [Бунин, 1988, с. 530]. – «[3 января 1944 г.] Вчера взяты Новгород, Волынь и Олевск» [Бунин, 1988, с. 531]. – «[20 января 1944 г.] Взят Новгород» [Бунин, 1988, с. 532]. – «[28 января 1944 г.] Взяли Любань» [Бунин, 1988, с. 532] и т.д.

Конечно, явно более информативны те записи, в которых И.А. Бунин высказывает свое личное отношение к происходящему эксплицированно, зачастую – эмоционально окрашенно, и вовсе не с помощью лишь курсива. Такие примеры не единичны.

Предварительно следует заметить, что бойцы Красной Армии и вся она в целом ни разу не удостоились в «Дневниках» квалификации «наши»: этим высокозначимым определением снабжены Франция и французы, причем не только военнослужащие: «[1 июня 1940 г.] Бегство (“героическое”!) французов и англичан из Dunquerque продолжается». – «[8 июня 1940 г.] Страшные, решительные дни – идут на Париж, с каждым днем продвигаются». – «[9 июня 1940 г.] Мы все отступаем» [Бунин, 1988, с. 463]. – «[23 июня 1940 г.] И в Париже все поражены, не понимают, как могло это случиться (это чудовищное поражение Франции)» [Бунин, 1988, с. 464]; ср.: «[25 августа 1944 г.]... Нынче опять ходил в город. Толпа, везде пьют (уже все, что угодно), пляски, музыка – видел в “Эстерели” нечто отчаянное – наши девчонки с американскими солдатами (все больше летчики)» [Бунин, 1988, с. 536].

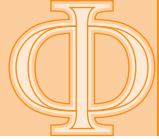
Кроме того, И.А. Бунин, очевидно находясь под глубоким впечатлением от молниеносной победы Германии над Францией, пытался первоначально вести что-то вроде хронометража военных перипетий на советской территории, например: «[22 августа 1941 г.] Война в России длится уже 62-й день» [Бунин, 1988, с. 501] (ведь Франция пала гораздо быстрее). – «[5 сентября 1941 г.] Нынче 76-й день войны в России» [Бунин, 1988, с. 502]. – «[19 октября 1941 г.] Пошел пятый месяц войны» [Бунин, 1988, с. 505]; однако в дальнейших записях автор уже не упоминает о продолжительности войны.

Мемуарист в должной степени критично воспринимает сообщения средств массовой информации – видимо, потому, что французские издания всецело под влиянием немцев-победителей («[6 сентября 1940 г.] И изо дня в день, самыми последними словами, поносят в газетах и по радио сами себя французы – эту прежнюю, вчерашнюю Францию» [Бунин, 1988, с. 474]. – «[5 сентября 1941 г.] В газетах холопство, брехня, жульничество». – «[7 сентября 1941 г.] Бесстыжая брехня газет и радио – все то же! Утешают свой народ» [Бунин, 1988, с. 502]), а советские источники для писателя – прежде всего именно «советские» (то есть вкупе со всеми сугубо негативными коннотациями).

Тем не менее Бунин записывает: «[12 августа 1941 г.] Вести с русских фронтов продолжаю вырезывать и собирать» [Бунин, 1988, с. 500] – и пытается слушать московское радио.

В самом начале войны писатель отмечает: «[23 июня 1941 г.] В газетах новость пока одна, заявление наступающих на Россию: это “la guerre sainte pour preserver la civilisation mondiale du danger mortel du bolchevisme” (фр.: святая война во имя спасения мировой цивилизации от смертельной угрозы большевизма)» [Бунин, 1988, с. 493] – и едко комментирует далее: «[12 августа 1941 г.] ‘Politique Vulgare. Mot d’ordre: lutter contre le bolchevisme!’ (фр.: Политика Болгарии. Лозунг: бороться против большевизма!). Страна за страной отличается в лживости, холопстве. Двадцать четыре года не “боролись” – наконец-то продрали глаза» [Бунин, 1988, с. 500].

О начале нашествия Наполеона и иже с ним («двунадесяти языков») на Россию у Л.Н. Толстого есть замечательно, по-эпически краткая фраза: «12 июня силы Западной Европы перешли границы России, и началась война» [Толстой, 1980, с. 7].

И.А. Бунин сообщает: «[30 июня 1941 г.] Итак, пошли на войну с Россией: немцы, финны, итальянцы, словаки, венгры, албанцы(!) и румыны» [Бунин, 1988, с. 494]. Перечень этот недолго оставался исчерпывающим: под сенью якобы всеобъясняющего лозунга «это священная война против коммунизма» [Там же] объединяется вся «цивилизованная Европа» («[28 августа 1941 г.]... Ранен Лаваль (на записи волонтеров французов, идущих воевать с немцами на Россию» [Бунин, 1988, с. 501]; были ведь такие добровольцы и из других стран, скоропостижно покорившихся Гитлеру, но не способных отказать себе в давно лелеемом удовольствии хоть как-то навредить «русским варварам», и, безусловно, это было нападение вовсе не на злокозненный коммунизм как таковой.

Еще одно важное обстоятельство, не оставленное без внимания мемуаристом: «[19 июля 1941 г.] ...В газетах о том, как бешено, свирепо бьются русские» [Бунин, 1988, с. 497]. – «[24 августа 1941 г.] С неделю тому назад немцы объясняли невероятно ожесточенное сопротивление русских тем, что эта война не то что во Франции, в Бельгии и так далее, где имелось дело с людьми, имеющими “L`intelligence” (фр. ‘ум, разум, способность мышления, умственное развитие’), – что в России война идет с дикарями, не дорожащими жизнью, бесчувственными к смерти» [Бунин, 1988, с. 501]. Можно лишь предполагать, что Бунин, несмотря на известные оценки им основной массы русского народа, данные как в дореволюционные времена, так и – особенно – в период революционных потрясений (ср.: «[23 мая 1916 г.] Пьяный мужик шел и кричал <...>. В этом вся Русь. Жажда саморазорения» [Бунин, 1988, с. 364] – и: «[26 августа 1917 г.] Нынче читаю о Владимирско-Суздальском царстве <...>. Леса, болота, мерзкий климат – и, вероятно, дикий и вульгарно-злой народ» [Бунин, 1988, с. 377]. – «[3 октября 1917 г.] ...Нет никого материальней нашего народа <...>. Злой народ!» [Бунин, 1988, с. 384]. – «[13 октября 1917 г.] ...Русский народ взывает к богу только в горе великом. Сейчас счастлив – где эта религиозность!» [Бунин, 1988, с. 390]. («[15 октября] В головах дичь, тьма, ужас вообще! В “Совете Российской республики” говорят больше всего “евреи”» [Бунин, 1988, с. 392]), все же, вероятно, не вполне был согласен с просвещенными европейскими суждениями о врожденном и неисправимом «дикарстве русских». См., например: «[28 августа 1941 г.] Был André Gide (известный французский писатель. – А.В.). Очень приятное впечатление. Тонко, умен – и вдруг: Tolstoy – asiatique» [Бунин, 1988, 6, с. 501]; понятно, что для Бунина (глубоко почитавшего и постоянно уже даже в преклонном возрасте перечитывавшего Л.Н. Толстого, с особенным восторгом – «Войну и мир») такое замечание француза могло представиться попросту оскорбительным. Ср. позднейшую запись: «[12 февраля 1945 г.] Все перечитываю Пушкина. Всю мою долгую жизнь, с отрочества не могу примириться с его дикой гибелью! Лет 15 тому назад я обедал у какой-то герцогини в Париже, на обеде был Henri de Renier <...>... Он мне сказал, что Дантес приходится ему каким-то дальним родственником – и: “que voulez – vouz? (фр. ‘что вы хотите?’) Дантес защищал свою жизнь!” Мог бы и не говорить мне этого» [Бунин, 1988, с. 538]; можно лишь догадываться, какой

эмоциональный отклик вызвало это замечание, исполненное хладнокровной уверенности в правоте «убийцы с пустым сердцем» (М.Ю. Лермонтов), у русского автора. Ведь И.А. Бунин с детских лет буквально «обожал», по его собственному выражению, Пушкина: «Когда он вошел в меня, когда я узнал и полюбил его? Но когда вошла в меня Россия? Когда я узнал и полюбил ее небо, воздух, солнце, родных, близких? Ведь он со мной – и так *особенно* – с самого начала моей жизни» [Бунин, 1988, с. 620–621].

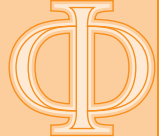
* * *

Первая запись о войне в «Дневниках»: «[22 июня 1941 г.] С новой страницы пишу продолжение этого дня – великое событие – *Германия нынче утром объявила войну России*» (курсив И.А. Бунина. – *А.В.*) – и финны и румыны уже “вторглись” в “пределы” ее <...>. Взволнованы мы ужасно! <...> Да, теперь действительно так: или пан, или пропал» [Бунин, 1988, с. 493].

Приведем далее некоторые фрагменты «Дневников», в которых личное отношение писателя к военным событиям отражается более или менее эксплицированно: «[13 июля 1941 г.] *Взят Витебск* (курсив И.А. Бунина. – *А.В.*). – Больно!». – «[24 июля 1941 г.] Газеты, радио – все брехня. Одно ясно – пока ‘не так склалось, як ждалось’» (по-видимому, имеется в виду неудача гитлеровского блицкрига). – «[7 августа 1941 г.] Немецкая большая сводка: чудовищные потери русских людьми и военным материалом. «Полная победа “немцев”». – «[10 августа 1941 г.] По немецким сообщениям положение русских без меры ужасно». – «[5 сентября 1941 г.] Контрнаступление русских. У немцев дела неважные». – «[14 сентября 1941 г.] <...> На фронтах все то же – бесполезное [!] дьявольское кровопролитие». По поводу истоков оценки «кровопролития» как «дьявольского» допустимо высказать разные предположения. Может быть, Бунин имел в виду чрезвычайно тяжелые потери советских войск в живой силе, явившиеся очевидным следствием бездарного командования, склонного заваливать трупами советских воинов собственные просчеты? Но вряд ли писателю было известно то, о чем открыто стали говорить лишь недавно. Или же таким образом подразумевалась не упущенная еще Советами возможность сдаться на «милость» победителя (как рационально поступили цивилизованные европейцы)? По всей вероятности, недвусмысленный ответ на эти вопросы мог бы дать лишь сам автор.

Но см. запись, сделанную всего несколько дней спустя: «[19 сентября 1941 г.] <...> Во время обеда радио: *взята Полтава*. В 9 часов: *взят Киев* (в обоих случаях – курсив И.А. Бунина. – *А.В.*) <...> Взято то, взято другое... Но – *quoі bon?* Что дальше? Россия будет завоевана? Это довольно трудно себе представить!» [Бунин, 1988, с. 502–503].

Далее: «[9 октября 1941 г.] <...> Полчаса тому назад пришел Зуров – радио в 9 часов: *взят Орел* (сообщили сами русские). “Дело очень серьезно”» [Бунин, 1988, с. 504] – «[11 октября 1941 г.] Самые страшные для России дни, идут страшные бои – немцы бросили, кажется, все, все свои силы. “Ничего, вот-вот русские перейдут в наступление – и тогда...” Но ведь тоже самое говорили, думали и чув-

ствовали и в прошлом году в мае, когда немцы двинулись на Францию. “Ожесточенные бои... положение серьезно, но не катастрофично...” – все это говорили и тогда» [Бунин, 1988, с. 504–505]. Совершенно очевидно, что писателя по-прежнему преследуют тяжелые воспоминания об участии «цивилизованной» страны, имевшей мощную армию, по численности и техническому оснащению значительно превосходившую немецкую, но благоразумно капитулировавшую перед Гитлером всего через полтора месяца после начала военных действий.

Однако «русские варвары» предпочли радикально иной образ поведения: «[5 декабря 1941 г.] <...> Русские бьют немцев на юге» [Бунин, 1988, 6, с. 508]. – «[8 декабря 1941 г.] <...> В России 35 градусов мороза (по Ц.). Русские атакуют и здорово бьют» [Бунин, 1988, с. 508]. – «[13 декабря 1941 г.] <...> Русские взяли назад Ефремов, Ливны и еще кое-что. В Ефремове были немцы! Непостижимо! И какой теперь этот Ефремов, где был дом брата Евгения, где похоронен и он, и Настя, и *наша мать!*» [Бунин, 1988, с. 509] (это высказывание, очевидно вызванное чувством так называемой «малой родины», довольно отчетливо напоминает косвенный ответ князя Андрея Болконского на реплику немецкого офицера, считавшего целесообразным перенести плацдарм «im Raum» (нем. ‘в пространство’), то есть в глубь чуждой иноземцу России: «Да, im Raum verlegen... Im Raum-то у меня остался отец, и сын, и сестра в Лысых Горах. Ему это все равно...» [Толстой, 1980, с. 217]). – «[15 декабря 1941 г.] Русские бьют» [Бунин, 1988, с. 509] и др.

В 1942 г.: «[4 марта 1942 г.] Битвы в России. Что-то будет? Это главное, главное – судьба всего мира зависит от этого». «[13 марта 1942 г.] Большие битвы, наступление русских» [Бунин, 1988, с. 514]. – «[3 июня 1942 г.] Май был необыкновенный – совершенно чудовищные бои из-за Керчи и вокруг Харькова. Сейчас затишье – немцы, кажется, потерпели нечто небывалое» [Бунин, 1988, с. 517]. – «[11 июля 1942 г.] <...> В одиннадцать радио: *Севастополь взят*. Дорого, верно, достался!» [Бунин, 1988, с. 518]. – «[18 июля 1942 г.] <...> Немцы в России все идут вперед <...>. 11 часов вечера, радио: “Положение Тимошенко катастрофическое”. Что-то должно быть вот-вот новое, огромное. Все еще не верится, что все пропало». – «[10 августа 1942 г.] <...> В России ужасно, – кажется, правда гибель нынче: взят Пятигорск». – «[7 сентября 1942 г.] <...> Взят Новороссийск. И все-таки [!] думаю: вот-вот будет большое и плохое для немцев» [Бунин, 1988, с. 519]. – «[16 сентября 1942 г.] <...> Немцы к Царицыну все “продвигаются”, и все атаки русских неизменно “отбиты”. День и ночь идут уже с полмесяца чудовищные бои – и, конечно, чудовищные потери у немцев. К концу войны в Германии останутся только мальчишки и старики <...>. Но какая сказочная сила – пока» [Бунин, 1988, с. 520]. – «[23 сентября 1942 г.] <...> и с Царицыном, и с Кавказом немцы все-таки жестоко нарвались. Последние дни им просто нечего сказать: “берем дом за домом”... Перебили их русские, конечно, в ужасающем количестве». – «[14 октября 1942 г.] <...> Дела немецкие неважны. 76-й день берут Царицын» – «[23 октября 1942 г.] <...> Нынче радио о Царицыне: “все атаки

большевиков отбиты». Скоро 3 месяца, как берут его!» – «[27 октября 1942 г.] Царицын все еще держится» [Бунин, 1988, с. 521–522].

В 1943 г.: «[1 февраля 1943 г.] <...> Паулис, произведенный вчера Хитлером в маршалы, сдался в Царицыне, с ним еще 17 генералов. Царицын почти полностью свободен. Погибло в нем будто бы тысяч 300». – «[2 февраля 1943 г.] Сдались последние. Царицын свободен вполне». – «[8 февраля 1943 г.] Взяли русские Курск, идут на Белгород. Не сорвутся ли?» [Бунин, 1988, с. 524]. – «[25 сентября 1943 г.] <...> Русские берут город за городом. Нынче – *Рославль* и *Смоленск*» [Бунин, 1988, с. 528]. – «[29 октября 1943 г.] <...> Взяты за эти дни *Екатеринослав*, *Лоуманская Камена* (когда-то я там был перед проходом по порогам). Теперь это, верно, город, гнусно называемый “*Днепродзержинск*”» [Бунин, 1988, с. 529].

В 1944 г.: «[3 января 1944 г.] <...> Вчера взяты Новгород, Волынь и Олевск. Вот-вот будут страшные дни!» (по-видимому, для Германии? – *А.В.*) [Бунин, 1988, с. 531]. – «[19 января 1944 г.] Взяты Красное Село, Петергоф, Ропша, большая добыча. Убито тысяч 20». – «[8 февраля 1944 г.] Взят *Никополь* и огромное количество военного материала, взято пленными тысячи 2, убито тысяч 15» [Бунин, 1988, с. 532–533]. – «[21 июня 1944 г.] Взят *Выборг*. 3 года тому назад, в ночь с 21 на 22, Гитлер, как он любил выражаться, “упал как молния в ночи” на Россию. Ах, не следовало!» – «[26 июня 1944 г.] Началось русское наступление». – «[27 июня 1944 г.] Взяты *Витебск* и *Жлобин* <...>. Взята *Одесса*. Радуюсь. Как все перевернулось!» (последние две фразы чрезвычайно значительны, если учесть, что Бунины, бежав в Одессу от большевиков, под защиту французов прежде всего, после довольно быстрого ухода «союзников» незамедлительно оказались в руках тех же большевиков – со всеми неизбежными последствиями, столь неприятными «осколкам старого режима». Из Одессы Бунины и отправились в эмиграцию. Можно лишь догадываться, какие противоречивые чувства испытывал писатель, отмечая почти совершенно неожиданную для самого себя «радость» и дисбаланс прежнего, устоявшегося за десятилетия мировосприятия – ведь Одесса-то и теперь оказалась взята «красными!»). – «[3 июля 1944 г.] <...> Взят *Минск*». – «[20 июля 1944 г.] <...> Русские идут, идут». – «[23 июля 1944 г.] Взят *Псков*. Освобождена уже *вся Россия!* Совершенно истинно гигантское дело!» [Бунин, 1988, с. 534–535].

В 1945 г.: «[24 марта 1945 г.] Полночь. Пишу под радио из Москвы – под “советский” гимн. Только что говорили Лондон и Америка о *нынешнем* дне как об *историческом* – “о последней битве с Германией, о громадном наступлении на нее, о переправе через Рейн, о решительном последнем шаге к победе. Помогите, Бог! Даже жутко!» [Бунин, 1988, с. 539] (любопытно, что здесь Бунин никоим образом не ссылается на московские новости – потому что они «советские»? В то же время довольно подробно цитирует западных «союзников» – по всей видимости, как «цивилизованные» источники информации, заслуживающие особого доверия. Кроме того, остается непонятным, кому именно писатель призыва-

ет на помощь вышние силы). – «[14 апреля 1945 г.] Взятие Вены» [Там же] (однако войска какой конкретно страны взяли австрийскую столицу, не упомянуто).

На этом эпизоде дневниковые записи, посвященные военным событиям 1941–1945 гг., прекращаются. Представляется довольно странным, что И.А. Бунин ни единым словом не обмолвился ни о штурме Берлина советской армией (может быть, как раз потому, что «советской?»), ни об окончательной победе над Германией (опять же, вероятно, из-за того, что это был результат, обеспеченный прежде всего Советским Союзом?). Но, естественно, здесь мы вступаем, как принято выражаться в таких случаях, «на зыбкую почву предположений», во все не позволяющих хоть как-то понять авторские интенции. Кроме того, можно учитывать резкое ухудшение состояния здоровья писателя, не давшее ему физической возможности активно продолжать «Дневники», – а ведь ему оставалось жить еще почти восемь лет в болезнях и старческой немощи.

Обратим внимание также на разновременные характеристики поведения некоторых русских эмигрантов во Франции (кстати, еще 2 июля 1941 г. Бунин высказывает довольно логичное предположение: «Верно, царству Сталина скоро конец» [Бунин, 1988, с. 496]). Ср.: «[13 июля 1941 г.] <...> Генерал Свечин говорил, что многие из Общевоинского Союза предложили себя на службу в оккупированные немцами места России. Народу – полно. Страстные аплодисменты при словах о гибели большевиков» [Бунин, 1988, с. 498]) – эта информация оставлена писателем без каких-либо комментариев; зато в дальнейшем, когда при очевидной перспективе исхода войны поменялись настроения многих представителей эмиграции, Бунин фиксирует явно чуждые ему феномены: «[1 декабря 1944 г.] <...> Русские все стали вдруг красней красного. У одних страх, у других холопство, у третьих – стадность. “Горе рака красит!”». – «[1 января 1945 г.] <...> “Патриоты”, “Amis de la patrie sovietique” (фр. “друзья советского отечества”)... (необыкновенно глупо: “Советское отечество”! Уж не говоря о том, что никто там ни с кем не советуется)» [Бунин, 1988, с. 538].

* * *

Все же для более глубокого понимания бунинских настроений, воплотившихся отчасти в «Дневниках» (не будем забывать о том, что их писал человек уже преклонного возраста, нобелевский лауреат, по существу, переживший вне России свою литературную славу и давно утративший исконный и привычный для него социальный статус, уставший от бремени нищеты и обстоятельств сложной личной жизни, да к тому же еще изнуренный болезнями), дополнительно следует обратиться хотя бы к некоторым фрагментам «Окаянных дней» (пусть даже и в «Дневниках» немало сказано о большевиках и их сторонниках), а также и некоторых других хронографических текстов И.А. Бунина.

Вот лишь некоторые выдержки из «Окаянных дней» (далее – [Бунин, 1990в, с. 170]): «[20 февраля 1918 г.] Множество мужиков, солдат в разных, в каких попало шинелях и с разным оружием <...>. Теперь хозяева всего этого, наследники этого колоссального наследства – они...» (с. 77). – «[24 февраля 1918 г.]

Везде грабеж!» (с. 80). – «[25 февраля 1918 г.] Опять какая-то манифестация, знамена, плакаты, музыка – и кто в лес, кто по дрова, в сотни глоток: “Вставай, подымайся, рабочий народ!” Голоса утробные, первобытные. Лица у женщин чувашские, мордовские, у мужчин, все как на подбор, преступные, иные прямо сахалинские» (с. 81). – «[1 марта 1918 г.] <...> В полдень <...> запылал скотный двор соседа, и опять сбежались со всего села, и хотели меня бросить в огонь, крича, что это я поджег...» (с. 83). – «[10 марта 1918 г.] Как злобно, неохотно отворял нам дверь швейцар! Поголовно у всех лютое отвращение ко всякому труду» (с. 86). – «[12 апреля 1919 г.] ...Одна из самых отличительных черт революций – бешеная жажда игры, лицедейства, позы, балагана. В человеке просыпается обезьяна» (с. 91; по-видимому, об этом размышлял не только Бунин; писатель, один из участников диалогов «На пиру богов», заявляет: «Обратите внимание, как изменился даже внешний вид солдата, – он стал каким-то звероподобным, страшным, особенно матрос. Признаюсь вам, что “товарищи” кажутся мне иногда существами, вообще лишенными духа и обладающими только низшими духовными способностями, особой разновидностью дарвиновских обезьян – homo socialisticus» [Булгаков, 1991, с. 80]; ср. также: «...Положение, когда вокруг все время ходит идиотская преждевременная смерть, от того что хозяйничают человекоподобные и обижаются, если им что-нибудь не по ноздре» [Набоков, 1990, с. 269]). – «[16 апреля 1919 г.] Вчера перед сном гуляли. Тяжесть на душе не сказанная. Толпа, наполняющая теперь улицы, невыносима физически, я устал от этой скотской толпы до изнеможения» (с. 93). – «[21 апреля 1919 г.] ...В сущности, всем нам давно пора повеситься, – так мы забиты, замордованы, лишены всех прав и законов, живем в таком подлом рабстве, среди непрерывных заушений, издевательств!» (с. 105). – «[22 апреля 1919 г.] <...> Всякая красная аристократия: матросы с огромными браунингами на поясе, карманные воры, уголовные злодеи и какие-то бритые щеголи во френчах, в развратнейших галифе, в франтовских сапогах непременно при шпорах, все с золотыми зубами и большими, темными, кокаиностическими глазами» (с. 107) и т.п. Свершения новой власти в области культурного строительства Бунину также были, мягко выражаясь, мало симпатичны. Лишь один пример: «Я видел Марсово Поле, на котором только что совершили, как некое традиционное жертвоприношение революции, комедию похорон будто бы павших за свободу героев. Что нужды, что это было, собственно, издевательство над мертвыми, что они были лишены честного христианского погребения, заколочены в гроба почему-то красные и противоестественно закопаны в самом центре города живых! Комедию проделали с полным легкомыслием и, оскорбив скромный прах никому не ведомых покойников высокопарным красноречием, из края в край изрыли и истоптали великолепную площадь, обезобразили ее буграми, натыкали на ней высоких голых шестов в длиннейших и узких черных тряпках и зачем-то огородили ее дощатыми заборами, на скорую руку сколоченными и мерзкими не менее шестов своей дикарской простотой» [Бунин, 1990в, с. 112].

Не принимал писатель большевицких топонимических экспериментов. В «Автобиографических заметках» он отзывался о них так: «“Художественный театр имени Горького”. Да что! Это капля в море. Вся Россия, переименованная в СССР, покорно согласилась на самые наглые и идиотские оскорбления русской исторической жизни: город Великого Петра дали Ленину, древний Нижний Новгород превратился в город Горький, древняя столица Тверского Удельного Княжества, Тверь, – в Калинин, в город какого-то ничтожнейшего типографского наборщика Калинина, а город Кенигсберг, город Канта, в Калининград...» [Бунин, 1990а, с. 176].

Столь же отрицательно резко И.А. Бунин оценивал и нововведенную русскую орфографию (хотя, строго говоря, реформированное правописание не являлось собственно изобретением большевиков, а лишь было внедрено ими в практику со всей революционной поспешностью – см. [Григорьева, 2004, с. 124–128]). Например: «По приказу самого Архангела Михаила никогда не приму большевицкого правописания. Уж хотя бы по одному тому, что никогда человеческая рука не писала ничего подобного тому, что пишется теперь по этому правописанию» [Бунин, 1990в, с. 117]. – «...Я назвал орфографию, истинно “хамски” навязанную России большевиками, заборной. Но как же она не заборная, когда именно забор и в точном и в переносном смысле этого слова так долго служил ей? <...> ...Все-таки именно “невежда и хам” большевик приказал под страхом смертной казни употреблять только эту орфографию» [Бунин, 1990б, с. 380].

Таким образом, можно сказать, что И.А. Бунина ни в коей степени не восхищали ни революционные достижения, ни повседневные действия большевиков, ни успехи советской власти. Все это было ему глубоко чуждым и до омерзения отвратительным – и, если взглянуть на его реакцию сугубо объективно, основания для такого отношения у него, конечно же, были.

И.А. Бунин даже не пытался в угоду новой власти «перекрашиваться», приспособиться к ней, чтобы обеспечить себе и близким более или менее сносное существование. А ведь очень многие писатели и знакомые автобиографа в те смутные времена поступали именно так: беспринципность была возведена в статус некоего принципа. Вот один из ряда примеров: в апреле 1919 г. Бунин записывает: «Был В. Катаев (молодой писатель). Цинизм нынешних молодых людей прямо невероятен. Говорил: “За 100 тысяч убью кого угодно. Я хочу хорошо есть, хочу иметь хорошую шляпу, отличные ботинки...”» [Бунин, 1990в, с. 121]. Через несколько месяцев тот же начинающий литератор сообщает Бунину: «Дорогой учитель Иван Алексеевич, вот уже месяц, как я на фронте, на бронепоезде (“белом”. – А.В.) “Новороссия”. Каждый день мы в боях и под довольно сильным артиллерийским обстрелом <...>. Я на командной должности – орудейный начальник и команду башней. Я исполняю свой долг честно и довольно хладнокровно и счастлив, что ваши слова о том, что я не гожусь для войны – не оправдались. Работаю от всего сердца» (цит. по: [Бабореко, 1988, с. 694–695]). Затем (вероятно, опять же – по зову сердца) В.П. Катаев влился в ряды восторжествовавших

большевиков и впоследствии стал широко известным советским писателем (прежде всего – детским: «Волны Черного моря» и др.).

Собственно говоря, можно опять же заметить, что, по крайней мере, многое, творимое крестьянами после Февральской и особенно Октябрьской революций совместно с солдатами-дезертирами (которые в массе своей тоже являлись бывшими крестьянами), не должно было бы чрезвычайно удивлять И.А. Бунина как автора многих беллетристических текстов, где убедительно показана мужицкая психология и определяемое ею поведение. В первую очередь это, конечно, «Деревня», о которой ее создатель уже через многие годы говорил: «Думал о своей “Деревне”. Как верно там все! Надо написать предисловие: будущему историку – верь мне, я взял типическое» [Бунин, 1988, с. 387] – и: «А “Деревня” вещь все-таки необыкновенная. Но доступна только знающим Россию. А кто ее знает?» [Бунин, 1988, с. 403].

Однако, как видно из дневниковых записей, будто бы глубоко понятные Бунину «мужики» учинили много такого, чего и он от них никак не ожидал.

* * *

Некоторые выводы. В «Дневниках» И.А. Бунина иногда проявляется тоска по России (это обнаруживается прежде всего в найденных зарисовках, где зачастую погодные феномены зарубежья напоминали ему родную природу) и, конечно же, горестные воспоминания о прежнем мироустройстве (в первую очередь связанные с раздумьями о судьбах родственников и когда-то близких людей).

Однако ностальгические переживания вовсе не могут пересилить глубокого отвращения писателя ко всему «советскому», и, пусть иногда и предполагая весьма призрачную возможность возвращения на родину, на склоне лет (несомненно, после тяжелых раздумий) он от этой мысли окончательно отказался: родина эта была уже совершенно советской. Судя по некоторым признакам, после долгих лет эмиграции И.А. Бунин воспринимал как «свое» чудовищно позорное поражение Франции и пресмыкательство многих ее деятелей и обывателей перед оккупационными войсками – очевидно, что эффективность трудов массы местных коллаборационистов была гораздо более высокой, нежели полумифического «Сопrotивления», в послевоенные годы ставшего почти материализованной легендой.

Обратим внимание и на то, что автор в «Дневниках» последовательно именуется Ленинград – Петербургом, а советский топоним «Днепродзержинск» для него попросту «гнусен».

Точно так же воины, героически (и ведь эта оценка, собственно, присутствует в «Дневниках») защищавшие Советский Союз (а в бунинском видении – конечно, Россию), ни разу не названы в их совокупности ни Рабоче-Крестьянской Красной Армией, как она официально обозначалась в 1918–1946 гг., ни Красной Армией, ни советской: повсюду у Бунина фигурируют *русские*, за которых («бешеных», «свирепых», «ожесточенных», как, наверное, и положено *asiatique*) он испытывает некую своеобразную национальную гордость.

Потому-то в дневниковых записях военного периода у автора иногда прорываются высокие эмоции: от «ужасного волнения» при известии о нападении Германии на Россию; боли по поводу территориальных утрат и людских потерь; боязни, не повторит ли Россия незавидную судьбу цивилизованных европейских государств, – и уверенности в том, что Россия не может быть завоевана, между тем как от нее зависит будущность остального мира, – и до неожиданной для самого писателя радости по поводу успехов «русского наступления» и констатации освобождения земель России как «истинно гигантского дела».

Парадоксально, на первый взгляд, но и вполне по-своему закономерно, что в конце войны И.А. Бунин жестоко высмеивает собратьев-эмигрантов, ринувшихся в ряды «друзей советского отечества». Явно отказывая им в искренности, писатель прекрасно понимает: да, Россия победила (видимо, из-за скорой неизбежности этой победы автор ничего не сообщает ни о ней самой, ни о сопутствовавших обстоятельствах), но ведь «царство Сталина» продемонстрировало свою нерушимость – а этот непреложный факт уж совсем не радовал писателя.

Конечно, И.А. Бунин просто не способен был бы искренне разделить некогда хрестоматийную формулировку: «Что такое счастье – это каждый понимал по-своему. Но все вместе люди знали и понимали, что надо честно жить, много трудиться и крепко любить и беречь эту огромную счастливую землю, которая зовется Советской страной» [Гайдар, 1963, с. 191].

Но несоветскую Россию, хорошо зная не самые симпатичные ее стороны, Бунин все-таки любил, и это можно понять из многих его произведений, включая «Дневники». Очевидно, что для писателя была одной из основополагающих оппозиция *русский / советский* как модификация фундаментальных универсалий *свой / чужой, хороший / плохой*.

Библиографический список

1. Бабореко А.К. Комментарии // Бунин И.А. Собр. соч.: в 6 т. М., 1988. Т. 6. С. 625–718.
2. Булгаков М.А. Жизнь господина де Мольера // Булгаков М.А. Собр. соч.: в 6 т. М., 1990. Т. 4. С. 225–398.
3. Булгаков С.Н. На пиру богов // Наше наследие. 1991. № 1.
4. Бунин И.А. Автобиографические заметки // Бунин И.А. Окаянные дни. Воспоминания. Статьи. М., 1990а. С. 172–205.
5. Бунин И.А. Дневники // Бунин И.А. Собр. соч.: в 6 т. М., 1988. Т. 6. С. 309–540.
6. Бунин И.А. Думая о Пушкине // Бунин И.А. Собр. соч.: в 6 т. М., 1988. Т. 6. С. 619–622.
7. Бунин И.А. О новой орфографии // Бунин И.А. Окаянные дни. Воспоминания. Статьи. М., 1990б. С. 380.
8. Бунин И.А. Окаянные дни // Бунин И.А. Окаянные дни. Воспоминания. Статьи. М., 1990в. С. 65–170.
9. Васильев А.Д. Игры в слова. Манипулятивные операции в текстах СМИ. СПб., 2013. 660 с.
10. Васильев А.Д. Слово в российском телеэфире. Очерки новейшего словоупотребления. М., 2003. 224 с.
11. Гайдар А. Чук и Гек // Гайдар А.П. Избранные произведения: в 2 т. Л., 1963. Т. 2. С. 166–191.
12. Григорьева Т.М. Три века русской орфографии (XVIII–XX вв.). М., 2004. 456 с.

13. Душенко К.Н. Словарь современных цитат. М., 2006. 832 с.
14. Набоков В.В. Другие берега // Набоков В.В. Собр. соч.: в 4 т. М., 1990. Т. 4. С. 131–302.
15. Поляков Ю. Слово за слово. М., 2007. 208 с.
16. Пушкин А.С. О народности в литературе // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 10 т. Л., 1978. Т. VII. С. 28–29.
17. Словарь русского языка: в 4 т. / гл. ред. А.П. Евгеньева. М., 1981–1984 (МАС₂).
18. Словарь сочетаемости слов русского языка. М., 1983. 688 с.
19. Твардовский А.Т. О Бунине // Бунин И.А. Собр. соч.: в 6 т. М., 1988. Т. 1. С. 5–42.
20. Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия / под ред. Г.Н. Скляревской. СПб., 2001. 944 с. (ТССРЯ).
21. Толстой Л.Н. Война и мир. Т. 3 // Толстой Л.Н. Собр. соч.: в 22 т. М., 1980. Т. 6. 447 с.
22. Трубачёв О.Н. В поисках единства. Взгляд филолога на проблему истоков Руси. Изд. 2-е, доп. М., 1977. 284 с.

Сведения об авторе

Васильев Александр Дмитриевич – доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: vasileva@kspu.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2019-5-1-01>

BUNIN'S VERBAL FORMS OF EXPRESSING PATRIOTISM IN HIS DIARY TEXTS

A.D. Vasilyev (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Patriotism is one of the core values having the status of sacral for ethno-society. However, like many other fundamental moral categories, it can acquire various concrete incarnations under the influence of these or those ideological concepts and political settings. Consequently, it quite often happens that – in the light of axiological reference points dominating in the state – qualification of someone's views as patriotic or, on the contrary, as anti-patriotic is extremely subjective.

Historically recent invectives concerning some judgments expressed by the great Russian writer I.A. Bunin, who frankly and quite hostilely spoke about both the October revolution, and the Soviet power, are characteristic examples of assessments that accuse the writer of not being a patriot.

The purpose of the article is to give an objective identification of I.A. Bunin's real position as regards his attitude to the Fatherland.

In this connection the author of the article, taking into consideration rather well-known publications on the problem mentioned above, uses diary texts written by Bunin himself during the period of World War II. The content analysis of the sources used can be considered quite exhaustive.

As the result the author managed to make well-grounded conclusions about Bunin's undeniable and sincere love for his Homeland.

Genuine patriotism was expressed by the writer regarding not Soviet Russia but Russia of the previous epoch that he lovingly and carefully kept in his memory.

Key words: *axiological reference points, fundamental values, patriotism, I.A. Bunin, World War II, diary texts.*

Bibliograficheskij spisok

1. Baboreko A.K. Kommentarii // Bunin I.A. *Sobr. soch.:* v 6 t. M., 1988. T. 6. S. 625–718.
2. Bulgakov M.A. *Zhizn gospodina de Molyera* // Bulgakov M.A. *Sobr. soch.:* v 6 t. M., 1990. T. 4. S. 225–398.
3. Bulgakov S.N. *Na piru bogov* // *Nashe nasledie*. 1991. №1.
4. Bunin I.A. *Avtobiograficheskiye zametki* // Bunin I.A. *Okayannyye dni. Vospominaniya*. Stati. M., 1990a. S. 172–205.
5. Bunin I.A. *Dnevniki* // Bunin I.A. *Sobr. soch.:* v 6 t. M., 1988. T. 6. S. 309–540.
6. Bunin I.A. *Dumaya o Pushkine* // Bunin I.A. *Sobr. soch.:* v 6 t. M., 1988. T. 6. S. 619–622.
7. Bunin I.A. *O novoy orfografii* // Bunin I.A. *Okayannyye dni. Vospominaniya*. Stati. M., 1990b. S. 380.
8. Bunin I.A. *Okayannyye dni* // Bunin I.A. *Okayannyye dni. Vospominaniya*. Stati. M., 1990b. S. 65–170.
9. Vasilyev A.D. *Igry v slova. Manipulyativnyye operatsii v tekstakh SMI*. SPb., 2013. 660 s.
10. Vasilyev A.D. *Slovo v rossiyskom teleefire. Ocherki noveyshego slovoupotrebleniya*. M., 2003. 224 s.
11. Gaydar A. *Chuk i Gek* // Gaydar A.P. *Izbrannyye proizvedeniya:* v 2 t. L., 1963. T. 2. S. 166–191.
12. Grigoryeva T.M. *Tri veka russkoy orfografii (XVIII–XX vv.)*. M., 2004. 456 s.

13. Dushenko K.N. Slovar sovremennykh tsitat. M., 2006. 832.
14. Nabokov V.V. Drugiye berega // Nabokov V.V. Sobr. soch.: v 4 t. M., 1990. T. 4. S. 131–302.
15. Polyakov Yu. Slovo za slovo. M., 2007. 208 s.
16. Pushkin A.S. O narodnosti v literature // Pushkin A.S. Poln. sobr. soch.: v 10 t. L., 1978. T. VII. S. 28–29.
17. Slovar russkogo yazyka: v 4 t. / gl. red. A.P. Evgenyeva. M., 1981–1984. (MAC₂).
18. Slovar sochetayemosti slov russkogo yazyka. M., 1983. 688 s.
19. Tvardovskiy A.T. O Bunine // Bunin I.A. Sobr. soch.: v 6 t. M., 1988. T. 1. S. 5–42.
20. Tolkovyy slovar sovremennogo russkogo yazyka. Yazykovyye izmeneniya kontsa XX stoletiya / pod red. G.N. Sklyarevskoy. SPb., 2001. 944 s.
21. Tolstoy L.N. Voyna i mir. T. 3 // Tolstoy L.N. Sobr. soch.: v 22 t. M., 1980. T. 6. 447 s.
22. Trubachev O.N. V poiskakh edinstva. Vzgl'yad filologa na problemu istokov Rusi. Izd. 2-e. dop. M., 1977. 284 s.

About the author

Vasilyev Alexander Dmitrievich – Doctor of Philology, professor of the Department of General Linguistics, Krasnoyarsk state pedagogical University named after V.P. Astafieva; e-mail: vasileva@kspu.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2019-5-1-02>

УДК 81

СООТНОШЕНИЕ СУБЪЕКТА И ОБЪЕКТА РЕЧЕВЫХ СОБЫТИЙ В ПРОИЗВЕДЕНИИ АРТЕМИЯ ВЛАДИМИРОВА «С ВЫСОТЫ ПТИЧЬЕГО ПОЛЕТА»

Н.А. Бурмакина (Красноярск, Россия)**О.С. Хлякин (Красноярск, Россия)**

Аннотация

Статья посвящена проблеме описания семантической и структурной организации соотношения объекта и субъекта речевых событий в автобиографическом произведении. Источником исследования является текст Артемия Владимирова «С высоты птичьего полета». Обращение к этому автору объясняется в первую очередь его личностью. Протоиерей Артемий является ныне здравствующим членом Союза писателей России, а также заведующим кафедрой гомиластики Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, заместителем декана факультета православной культуры Академии ракетных войск стратегического назначения.

Цель данной работы: определение особенностей реализации субъекта и объекта речевых событий в индивидуальной языковой системе Артемия Владимирова.

Предметом исследования являются функциональные особенности лексико-семантической организации объектно-субъектных соотношений в избранном тексте. Эти соотношения являются выразителями большой эмоциональной, эстетической и смысловой нагрузки; выступают определяющим компонентом языковой картины мира произведения; используются автором в качестве основных средств в характеристике ведущих ценностей творчества А. Владимирова: жизнь, смерть, Бог.

Ключевые слова: *субъект речи, объект речи, лингвистический анализ текста, индивидуальная языковая картина мира произведения, ценности, языковая личность, личность автора.*

Вопрос соотношения объекта и субъекта речевых событий в художественном произведении рассматривался отечественными лингвистами с конца 50 – начала 60-х гг. XX в. (В.В. Виноградов, М.М. Бахтин), он получил свое развитие в 70-х (Б.О. Корман, Г.В. Колшанский, Р. Якобсон), 80-х (Н.Д. Арутюнова, Е.А. Гончарова), 90-х (А.Л. Потебня, Н.М. Шанский, Т.Г. Винокур) и продолжает быть актуальным (Н.С. Болотнова) [Болотнова, 2003]. Ведущие лингвисты обратили внимание на данную проблему в контексте поиска новых путей для выявления авторской позиции. Работа в этом направлении представляется перспективной и в аспекте лингвистического анализа текста.

Выражение авторских намерений в художественной речи (в лексике, синтаксисе), т.е. семантико-стилевая категория автора как центра речевого мира произведения, разработана В.В. Виноградовым. В начале 70-х гг. Б.О. Корман, осно-

вываясь на суждениях В.В. Виноградова об «образе автора» [Виноградов, 1959, с. 38] и учитывая концепцию М.М. Бахтина о диалогичности «смысловых позиций» [Бахтин, 2012, с. 328] в произведении, выделял не стилистический, а идеологический аспект явления; рассматривал автора как «носителя концепции всего произведения». В западноевропейской нарратологии в данном случае употребляются понятия «имплицитный автор» (В. Бут), «подразумеваемый автор» (Ж. Женетт), «абстрактный автор» (В. Шмид) [2003]. Имплицитному автору соответствует имплицитный читатель [Гончарова, 1984, с. 73].

Одним из основных средств раскрытия авторской оценки изображаемых людей и событий является речь повествователя, то, как писатель рассказывает о жизни, какими словами и оборотами характеризует он своих героев и т.д. Различают, таким образом, субъект речи и объект речи [Романова, 2004, с. 201].

Б.О. Корман под объектом речи понимает «все то, что изображается, и все, о чем рассказывается: это люди и их поступки, предметы, обстоятельства, пейзаж и события, под субъектом речи – того, кто изображает и описывает»; рассказчик организует своей личностью весь текст и более выявлен, чем повествователь: «он является не только субъектом речи, но и объектом» [Корман, 1972, с. 20, 34].

В произведении «С высоты птичьего полета» можно говорить о таком соотношении: автор биографический – читатели современные, реальные; временное соотношение субъекта и объекта речи: современная Россия и СССР 60 – начала 70-х гг. XX в. Автор реализуется в тексте посредством рассказчика.

Автор повести является одновременно и главным героем описываемых событий. Их разделяют лишь временные рамки. Мальчик Артем – как объект речевых событий – перемещается во времени, по стадиям своего взросления, описываемого в произведении. А автор Артемий Владимиров – как субъект речи – находится в статичном временном отрезке. Именно в этом соотношении нам и интересно данное исследование.

Перед основным текстом мы видим посвящение «Моей бабушке Любове Васильевне Севей посвящается». Через это посвящение читатель легко принимает возраст объекта речи, настраивается на историю внука, который за что-то очень благодарен бабушке. Далее следует название книги «С высоты птичьего полета». Это следующий сигнал для адресата речи. Рассказывая историю, автор оценивает ее с позиции его сегодняшнего эмпирического опыта. Субъект речи не просто вспомнил, а осмыслил описываемые события, сделал выводы. И этим решил поделиться со своим читателем. И наконец, подзаголовок «Воспоминания о годах детства, отрочества и юности... в тридцати трех главах и еще одной». Субъект речи специально разделил его многоточием на две части. Это символ. Ведь жизнь автора тоже поделена пополам. Это годы без веры в Бога и жизнь «во Христе». Первая половина жизни Артемия Владимирова прошла без веры, в земной суете, и она обозначена как констатация жизненных этапов «детство, отрочество и юность». Вторая половина подзаголовка имеет сакральный смысл. Тридцать три главы как символ возраста Иисуса Христа, сына Божьего. «И еще одна» – для того чтобы адресат

осознал, что автор не отождествляет себя со спасителем, он следует за ним и почитает его. Можно разглядеть и еще один смысл в этой части подзаголовка. Ровно тридцать три года прошло со смерти любимой бабушки Любви до написания данного произведения. Именно она открыла для протоиерея дорогу к Богу. Такой путь проходят многие соотечественники, что подтверждается данными ассоциативных экспериментов [Васильев, Васильева, Тимченко, 2015, с. 87–93].

Нами выявлено, что композиционно большинство глав построено по принципу христианской проповеди. В начале приводится тезис («устах младенца глаголет истина», «дети есть суть своих родителей»), затем идет его раскрытие с опорой на житейский опыт (в нашем случае это воспоминания о детстве автора) и в заключение автор прозревает промысел Божий: чтобы ни делал человек, всевышний неуклонно следит за ним и ничего не свершается без воли его на то. И в этом, несомненно, проявление субъекта речи: «ответ Небесного Отца: “Вот ты ныне держишь в руках удочку и хочешь поймать этих рыбок. Пусть исполнится твое желание. Но пройдет известное Мне одному число лет, и Я сделаю тебя ловцом человеков. И тогда ты вспомнишь Того, Кто послал тебе удачу в сегодняшний день”» [Владимиров, 2012, с. 82].

Мы определили, что объекты речевых событий никогда не существуют отдельно от субъекта. Во всех проявлениях своих героев и их реалий незримо отражен субъект речи. Автор сознательно исключает из повествования эпизоды своего детства, где не видит или не может увидеть «десницу Божью». Протоиерей запечатлел самые знаковые, по его мнению, моменты и через рефлексию передал это на суд читателю. Однако писатель всегда оставляет возможность и адресату речи предаться рефлексии. Обобщающие и вовлекающие, призывающие читателя к воспоминаниям предложения есть практически во всех главах книги. Автор намеренно говорит о том, что те выводы, к которым он приходит на страницах своего произведения, это только его мнение, что он не претендует на его абсолютизм.

Первая глава под названием «Ясли» начинается с философских размышлений субъекта речи о «памяти человеческой», на которой (памяти) и основана вся книга. Тут же идет обращение к Богу, который воскресил все изображаемые картины в памяти протоиерея. Таким образом, сразу проявляется жизненная философия автора – «Господи, Тебе ведомо все из прошлого и будущего судеб человеческих...» [Владимиров, 2012, с.10]. Далее субъект речи переходит в ее объект «помню себя в яслях». Перед читателем рисуется картина пребывания в этом воспитательном заведении двух братьев-близнецов. И как самое яркое и запоминающееся, а значит, и самое приятное, описывается сцена встречи братцев с мамой после пятидневной разлуки.

Но все объекты речи (ясли, воспитатели, нянечки, воспитанники) не имеют объективного существования. Они не наделены в этом эпизоде четкими характеристиками и индивидуальными чертами. Есть только обобщенные мысли и воспоминания субъекта речи. Единственный ярко выписанный объект речи – образ мамы. Слово «мама» – употреблено автором в своем первом, прямом значении – ‘женщина по отношению к своим детям’ (Ожегов, 2013, с. 281). Кроме того, слово «мама» да-

ется автором с большой буквы. Это позволяет говорить о высоком почтении протоиерея к родителям, так как только слова Небесный Отец и Мама употреблены в тексте с заглавной буквы, что проявляется в словах субъекта речи: «О чудо материнства!.. О счастье воссоединения с той, которая, носив нас двоих во чреве, носит и поныне в сердце своем, никогда не скудеющем любовью» [Владимиров, 2012, с.15]. Синтаксис анализируемых фрагментов текста сложный, что направлено на создание у читателя возвышенного, уважительного отношения к своим родителям.

Композиция главы круговая, цикличная. В заключение снова выступает субъект речи с подведением итогов всего описанного: «Боже правый! <...> пусть малыши всегда видят бездонные материнские очи, через которые Ты, Христе Спасе, глядишь в их сердца и освещаешь детские души светом Своей радостотворной любви!» [Владимиров, 2012, с.15]. В данном отрезке употреблены стилистически высокие слова «очи» и «радостотворной», которые позволяют автору соотнести значимые в своем единстве для неокрепших душ малышей Божественную благодать и родительскую любовь. Субъект стоит над объектами. Нет в данной главе героя-резонера. Автор высказывает свою позицию сам, от первого лица, напрямую обращаясь к читателям-современникам. В ткани текста размышления автора и описываемые события являются равновеликими.

Объективная сторона речи представлена в четвертой главе «Павлин» общеупотребительной лексикой, а вот синтаксические конструкции сложны, что позволяет нам сделать вывод: автор опять говорит с читателем о простых реалиях своего детства, но отношение к ним у него непростое. В начале главы сформулирован известный тезис: «Устами младенца глаголет истина» [Владимиров, 2012, с. 27]. И следуют размышления автора о том, что «малыши суть дети своих родителей». Объектом изображения выступает рассказ о походе в гости на семейный праздник, где многочисленной детворе во время ожидания обеда был предложен просмотр диафильма про павлина. Фильм повествовал о том, что «осанистый павлин с роскошным хвостом стал предметом общего внимания прочих птиц» [Владимиров, 2012, с. 29]. Автор делает пояснение: «советская мораль 60-х годов XX века всего прежде воспитывала в гражданах чувство коллективизма, которому претили какие-либо попытки выделиться из общей массы скромных и честных тружеников» [Владимиров, 2012, с. 29]. Заканчивался диафильм тем, что каждая птица по решению товарищеского суда выдергивала перо из хвоста павлина и высказывала свое полное презрение к нему. «Советская справедливость восторжествовала» [Владимиров, с. 30]. Но братец Митенька вдруг зарыдал «Па-а-вли-и-на жа-а-алко!» [Владимиров, 2012, с. 31]. Успокоился братец только приглашением к праздничному столу, где тут же забыл о своем сострадании к пернатому и уплетал плов с жизнеутверждающей улыбкой.

В заключение автор подчеркивает временную разницу между описываемыми событиями и моментом создания книги – 45 лет – и резюмирует: «Как ни ряди, а павлина действительно жалко...» [Владимиров, 2012, с. 32]. Многоточие в конце этого предложения должно заставить читателя поразмышлять. Но не над судьбой птицы, а над судьбами людей, живущих в то время, выражающих ту мораль и общественные устои.

Таким образом, субъект речи поднял актуальный и по сей день вопрос о толерантности, терпимости к людям, отличающимся от большинства. Будучи ребенком, с чистой и беззлой, не имеющей умысла душой, мальчик высказал ее искренний порыв. Ребенок свободен от условностей современного общества и мыслит простыми категориями добра и зла. Для него очевидна данная несправедливость. Но это заботит ребенка лишь до тех пор, пока его не отвлекают естественные инстинкты. Ребенок – чистый лист, но т.к. в начале главы автор заявил, что дети суть своих родителей, мы можем сделать вывод, что это зеркальное отражение их потаенных мыслей. Интересна эта сцена еще и тем, что главным объектом речевых событий здесь выступает не главный герой Тема, а его брат. Да, они единоутробные близнецы, все у них общее и одинаковое, но реакцию дает именно Митя. Что это? Очередная демонстрация того, что Тема более земной, подверженный внешним моральным принципам человек, в отличие от Мити. Митя восприимчивее, мыслит более возвышенно. В нем идет мыслительный процесс, он познает мир через собственное душевное зеркало, незамутненное общественной моралью времени. Субъект речи разделяет его позицию в настоящем, пройдя долгий путь – 45 лет. Объект же речи (Тема) заложник общественных устоев, его взгляд затуманен.

Автор окончательно разводит своих героев братьев-близнецов в шестой главе «Музыка». Если раньше они существовали всегда в одном пространстве и одних обстоятельствах, то в этой главе близнецы разделились окончательно. Объектом речевых событий становится описание того, как у Митеньки проявился и стал развиваться талант игры на пианино. Темочка же подобного таланта не обнаружил в себе. И хотя сделал некие успехи в игре на скрипке – это не было и не стало его призванием, это не захватило его. Уменьшительные формы имен героев автор использует для проявления своего отношения к персонажам как к маленьким и неразумным детям.

Такой неожиданный разрыв близнецов писатель описывает так: «Кажется, грубость ответа обусловлена была непонятным и весьма неприятным для меня чувством, возникшим оттого, что у брата появилось в жизни что-то совершенно от меня сокровенное. Думаю, что на русском языке это называется зависть... А может быть, ревность, смешанная с детским самолюбием. <...> Брат восходил по ступеням совершенствования, покуда я пресмыкался в тщетных попытках преодолеть собственные строптивость и лень, вылезавшие наружу всякий раз, когда нужно было садиться за инструмент. <...> Апофеоз моих “страданий” пришелся на тот момент, когда Митя готовился лететь (первый раз в жизни!) в неведомый город Тбилиси для участия в конкурсе юных музыкальных талантов. Уже в аэропорту бабушка и я с волнением стояли близ братца, как наконец тот, белобрысый, с веснушками, весь светившийся от счастья, помахав нам ручкой, шагнул за черту, которая отделяет пассажиров от провожающих. О, как защемило мое мальчишеское сердце! Не выдержав обуревавших меня чувств, я громко заплакал. Впервые жизнь разлучила единоутробных братьев, для которых целый мир всегда делился на равные половинки» [Владимиров, 2012, с. 40–41].

Многоточие после слова «зависть» должно заставить читателя поразмыслить над этим фактом. Пробудить в его памяти схожие моменты из своего детства. Словоформа «братца» отражает нежное, любовное отношение автора к своему брату и подчеркивает его расположение к нему. Восклицательные предложения показывают возбужденность и трепет объекта речи Артема, а внешние характеристики образа Мити – его искренние желания. Сложность синтаксиса – усиливает впечатление значимости всего происходящего для героев.

Мальчики пошли каждый своим путем, но второй начал чувствовать свою ущербность по отношению к первому. И в завершение автор все же дает надежду и своему герою («Тогда, в аэропорту, мне еще не приходило на ум, что вовсе бесталаных людей не бывает» [Владимиров, 2012, с. 43]) и всем читателям («Изобилие одного восполняет скудость другого. Ущербный в одном может оказаться бесконечно богатым в чем-то ином. Мы связаны “круговой порукой добра”» [Владимиров, 2012, с. 43]).

Для субъекта речи очень важно было подчеркнуть в очередной раз свою заурядность, отсутствие особых дарований и талантов и показать, что по прошествии времени он все же смог обрести себя, найти свое призвание просто обретя веру, уверовав в Создателя и его дары. Он наталкивает читателя на мысль о том, что никогда не поздно обнаружить в себе нечто особенное, ведь совсем бесталаных людей нет. Интересно употребление слова «бесталаный» – ‘несчастный, обездоленный’ [Ожегов, 2013, с. 51], а не ‘лишенный таланта’. Ведь автор говорит не о даровании, а о обретении себя в жизни.

Читателю предлагается история о первой любви мальчика Артема в десятой главе. Случилась она во втором классе с появлением в коллективе новой ученицы. Мальчик был влюблен не столько в саму девочку, сколько в ее прекрасный голос. Описание объекта любви (голоса) представлено эпитетами «чистый», «волшебный», «прекрасный». Дети даже никогда не разговаривали, но этого и не нужно было для существования этой чистой и краткосрочной любви. Девочка Марина быстро перевелась в другое учебное заведение, но песня в ее исполнении «С чего начинается Родина» навсегда отпечаталась в памяти Артема. Будучи уже взрослым человеком, по прошествии большого периода времени он сочинил новый текст на эту мелодию. И, несмотря на запрет правообладателей, песня «сама пошла путешествовать по городам России» [Владимиров, 2012, с. 66]. Мы видим олицетворение «песня пошла» – подчеркивается независимость судьбы произведения от автора. Далее приводится новый текст песни. Никакого завершающего слова не следует.

Субъекту речи важно было выразить следующие мысли: 1. «Любовь вложена в нас Создателем, Который соделал ее главным свойством и одновременно потребностью каждой разумной человеческой души» [Владимиров, 2012, с. 62]. 2. Любовь не должна причинять какого-либо страдания, вносить дисгармонию в сердце. 3. Настоящая, добродетельная любовь способна выражаться в творческих порывах.

Таким образом, автор говорит нам, что любовь приходит к каждому человеку, без исключения. Но читатель должен понимать, что истинное чувство любви на-

правлено на созидание, а не на разрушение. Любовь – это не эгоистическое желание единоличного обладания, это желание делиться, открывать ее для других. Ценность «любовь» является базовой в русском языковом сознании и в художественной литературе [Бурмакина, Мамаева, 2018; Васильев, Васильева, Тимченко, 2015]. Образность речи и сложность синтаксиса призваны помочь автору добиться поставленных задач.

Объектом речи пятнадцатой главы «Пасха» становятся детские впечатления о празднике Пасхи. Семья Владимировых религиозностью не отличалась. Бабушка брала внуков в церковь только в этот праздник. Что было возможным лишь благодаря ее знакомому – руководителю церковного хора в храме. Только он мог провести детей на службу, преодолевая множество преград из патрулей милиции и комсомольцев. Образ этого человека соединился у мальчика с образом быка, разрезающего волны своей могучей грудью, на картине Валентина Серова «Похищение Венеры». Такая параллель, сравнение сделали восприятие этой главы для читателя очень легким, наполнили ее образностью, а это всегда призвано натолкнуть на размышления.

«Спаситель наполнял мою душу ощущением пасхального торжества, но Сам покуда не являл Своего светлого лика; Он, наш смиренный и кроткий, долготерпеливый Господь, ведал, что время еще не пришло...» [Владимиров, 2012, с. 95]. Образ Спасителя рисуется автором очень ярко, все эпитеты положительно окрашены и призваны создать образ умиротворяющий, любящий. Объект речевых событий отмечает этот день, не понимая его значения, ничего не зная об обычаях, с ним связанных. Он просто рад вкусной еде, единению семьи и внутреннему ощущению светлого праздника. Субъект речевых событий осознает всю сакральную суть этого дня, ему открыто великое знание. И праздник Пасхи для него много больше, чем семейные посиделки и покраска яиц.

Рассказчик описывает в шестнадцатой главе «Подростки» случай из летнего отдыха на даче, где близнецы проводили все каникулы. Близость природы значила для братьев очень много. «Сознавали ли мы свое счастье? Думаю, в полной мере – нет... Нет, потому что, купаясь в милостях Творца, не знали Его и не умели благодарить за непрестанные благодеяния» [Владимиров, 2012, с. 96]. Незаконченное предложение призывает к размышлению, метафора «купаясь в милостях» придает положительную оценочность произошедшего, сложность синтаксиса подчеркивает сложность мыслительного процесса субъекта речи.

Купаясь в реке, мальчики решили поднырнуть под металлической пристанью. Дмитрий легко справился с задуманным, а вот Артем, будучи неуверенным в своих силах, ударился сильно головой о металлическое дно и едва не захлебнулся: «Господи! Тебе угодно было тогда сохранить мою жизнь, глупого и нерассудительного человеческого детеныша, не успевшего еще познать Тебя и потрудиться во славу Твоего имени!..» [Владимиров, 2012, с. 100]. Восклицательные предложения подчеркивают эмоциональность высказываний, что служит методом большего воздействия на адресата речи. Объекты речевых событий в бла-

гополучном исходе происшествия видят просто удачу и собственную ловкость. А для субъекта очевидно – что это только промысел божий и его защита. Ведь близнецы все же были крещены при рождении, хотя и не имели защиты в виде нательных крестиков.

В начало восемнадцатой главы «Сочувствие» вынесен тезис: «Не всегда и родители понимают, что главным воспитательным средством для них служит не слово, а образ их жизни» [Владимиров, 2012, с. 108]. И автор раскрывает взаимоотношения родителей в своей семье, рассказывает, чему он научился от своих родителей в личных отношениях. «Теперь-то мне ясно, что их спокойная речь, мирные собеседования друг с другом, мягкие и приятные улыбки во время диалога – все это ложилось в основу нашего благобытия, незримо воздействовало и формировало склад детской души и самое видение мира, мирочувствие» [Владимиров, 2012, с. 108–109]. В памяти героя остался лишь один эпизод спора между родителями, и то узанный только по интонации, никаких оскорблений и бранных слов. Слова «благобытия» и «мирочувствия» относятся к церковной, православной лексике, подчеркивая принадлежность субъекта речи к миру богослужения. Автор соединяет слова «благо» и «бытие», «мир» и «чувство» как неразделимые, единые понятия. Кроме того, слово «благо» имеет помету – высокое [Ожегов, 2013, с. 54], а слово «бытие» – книжное (Ожегов, 2013, с. 66), что позволяет говорить о почтительном, высоком отношении субъекта речи к описываемым понятиям. Восклицательные конструкции предложений и сложный синтаксис направлены на большее эмоциональное воздействие на читателя.

В зачине двадцатой главы «Первенец» рассказчик рассуждает об оптимальном количестве детей в одной семье. И приходит к выводу, что это число три: «Впрочем, дорогие читатели, эти размышления никоим образом не претендуют на обязательность» [Владимиров, 2012, с. 122]. Эпитет «дорогие» – такие, которыми дорожат (Ожегов, 2013, с. 153), – призван подчеркнуть значимость адресатов речи для автора.

Следует рассказ о старшем ребенке в семье Владимировых – Андрее. Он с честью нес звание старшего брата и всегда оберегал, защищал и напутствовал младших. Даже если силы были не равны, чувство справедливости вело его вперед. В заключение сообщается, что старший брат давно уже не Андрей. Он получил от Господа иное имя и прибывает в древней русской обители: «Вполне оправдав значение своего первого имени, первенец взошел от детских подвигов во имя земной справедливости к трудам пастырского окормления бессмертных душ» [Владимиров, 2012, с. 130]. Субъект речи специально выделяет слова «первого» и «первенец». Первое – как истинное, настоящее, predeterminedенное свыше. Андрей всегда шел первым, прокладывая путь братьям, и на момент написания произведения пришел в пункт своего назначения.

В зачине двадцать восьмой главы «Неверие» дается реалия времени детства автора: «XX век берег наше детство, но и настойчиво отстранял нас от света Христова. Все мы были в этом отношении детьми “пионерского подземелья”». Родные бо-

ялись говорить нам о вере, а чужие не боялись растлевать детские души неверием. Бедные школьники! Как легко вы и поныне улавливаетесь всякого рода прельщениями и обманами, особенно если они “спускаются сверху”, то есть санкционированы “вышестоящими инстанциями”!..» [Владимиров, 2012, с. 180]. Риторическое восклицание, синонимический ряд и незаконченность предложения усиливают эмоциональное воздействие на читателя, делают речь субъекта речи выразительнее и проникновеннее. Далее следует яркая иллюстрация. Описывается случай, когда в седьмом классе близнецам объявили о визите в их школу Черткова: «Он приобрел известность еще в 60-е годы, когда, будучи студентом Московской духовной академии, с шумом отрекся от веры» [Владимиров, 2012, с. 180]. Подготовку этих событий школьники, конечно же, не знали и принимали все «за чистую монету». Лектор поведал о собственном безбожии и несовместимости веры в Бога с «реальной» жизнью. Сердце Артема внимало изошренным речам с полным доверием. Бабушка Любовь не разделила восторженность внука: «Тема, я думаю, что он не может быть хорошим человеком...» [Владимиров, 2012, с. 182].

Через некоторое время бабушка решила привести Артема в церковь. Но поднявшись на крыльцо, мальчик испугался и, вырвавшись, убежал прочь, как будто за ним гнались злейшие враги, а для субъекта речи вывод очевиден: «Время еще не пришло» [Владимиров, 2012, с. 184]. Позднее герой узнал о Черткове следующее. Окончив после «отречения» Институт марксизма-ленинизма, он стал разъезжать по всей стране со своей дежурной лекцией. В зале московского политехнического института одна студентка задала вопрос: «Скажите, пожалуйста, Вы от Христа отреклись, как Петр или как Иуда?» Говорят, лектор, застыв на месте, так и не нашелся, что ответить на это удивительное вопрошение» [Владимиров, 2012, с. 185].

В заключение автор рассуждает о природе безбожия разных людей. И в этом рассуждении явственно проявляется субъект речевых событий и его позиция: «С возрастом приходит мудрость, а мрак лжи рассеивается и обращается в небытие. Но, думаю, целительное воздействие времени объясняется более глубокой причиной. Эта причина – молитва. Незримая, неведомая никому из нас молитва, теплящаяся в сердечной глубине того, кто любит нас и терпеливо ждет... Ждет часа нашего подлинного прозрения и прилежно об этом молится. Это прозрение, наконец, наступает, увы, весьма часто после кончины молившегося за нас с любовью человека» [Владимиров, 2012, с. 185]. Сложный синтаксис, неоконченное предложение направлены заставить адресата речи задуматься над этим вопросом. Автор только задает вектор этих размышлений.

В начало тридцать первой главы «Кончина» автор поместил размышления о реакции подростка Артема на весть о кончине бабушки: «Чемпионат мира по футболу совершенно захватил меня в плен, и страшное известие о смерти родного человека не оторвало школьника от футбольных страстей» [Владимиров, 2012, с. 197]. Субъект речевых событий видит в этом происки Лукавого, но Господь проявился и не дал ему воплотить задуманное: «Не верю, что ее нет! Мое сердце только-только в полной мере осознало, насколько я ее люблю! Эта любовь греет и умиря-

ет мою кровотокающую скорбью душу! Любовь не может быть направлена в никуда! Я чувствую любовь Були ко мне! Любовь соединяет наши сердца и живет их! Значит, бабушка не умерла, но ушла! Она сейчас где-то, но уже не здесь» [Владимиров, 2012, с. 199–200]. Обилие восклицательных предложений подчеркивает эмоциональные терзания мальчика в этот день. Лексика преобладает отрицательно окрашенная. Сложный синтаксис показывает сложную работу мыслей в его голове и сердце. Как катарсис выступает идиома «прозрел духовно».

Объект речевых событий в ту ночь переродился или родился для новой жизни. Эту новую жизнь для него открыла бабушка своим уходом. Она ввела его в храм веры, едва лишь сама вошла в вечность. Душа возродилась: «В поисках восстановления общения с бабушкой, я обрел Бога, Которого еще не знал и не называл по имени, но Он уже простер мне Свои милостивые объятия, исхитив из непроницаемого мрака – неверия и отчаяния – в Свой чудный Божественный Свет» [Владимиров, 2012, с. 202]. Описывая божественное проведение, автор использует лексику, которая приобретает положительную окраску, а вот синтаксис простым не становится.

В начало тридцать второй главы «Поиск» вынесен тезис: «Что имеем не храним, потерявши – плачем». Кончина бабушки произвела переворот в душах троих внуков. Ее уход стал импульсом для поиска сокровенного смысла. Автор сравнивает этот процесс в его душе с весенним половодьем на реке, когда она освобождается от сковывающего ее льда. Артему стало ясно, как эгоистично они, дети, относились к бабушке. Тогда внук написал первые в своей жизни стихотворения. И именно тогда он нашел в бабушкиной шкатулке старинное Евангелие, принадлежавшее еще его прабабушке, Александре Михайловне Глебовой, крестнице Петра Аркадьевича Столыпина. Там же мальчик нашел «два простых оловянных крестика на синей и розовой ленточках – непреложный знак нашего с братцем крещения в трехлетнем возрасте в подмосковном храме» [Владимиров, 2012, с. 207]. Форма слова «братцем» – уменьшительно-ласкательная – подчеркивает любовное отношение автора к детскому возрасту и своему родственнику.

Объектом речевых событий тридцать третьей главы «Чаша» становится первый шаг студента-филолога к Богу. Автор показывает, что путь до этого шага был не близкий. С момента смерти бабушки и до этого первого шага прошел не один год. Душа искала свой путь все это время. И ответ был найден совсем рядом от дома. Это была церковь, куда некогда бабушка уже пыталась привести Артема. Год за годом внук слышал призывный звон колоколов, но не внимал ему. «Закрты были не уши, но сердца...» [Владимиров, 2012, с. 214]. Незаконченность предложения оставляет возможность читателю поразмышлять, сделать свои выводы, провести параллели со своей жизнью. И вот момент пришел. Однажды утром, отправляясь в университет на лекцию по КПСС, Артем вдруг повернул в противоположном направлении и направился к церкви. В храме шла служба, в которой студент ничего не понимал, но душа его ощутила отчий дом: «Вот оно то, чего я искал! <...> Моя душа встрепенулась – и взлетела в горние обители, исполнившись невидимо-

го внешнему оку Божественного света. Я забыл весь окружающий меня мир» [Владимиров, 2012, с. 216]. Риторическое восклицание – пиковая точка в духовных поисках объекта речи, выразитель наибольшей эмоциональности момента.

Когда вышел священник с чашей, «я почему-то сказал сам себе, точнее, услышал в глубине сердца: “Это тебе, это твое”» [Владимиров, 2012, с. 217]. Для чего была эта чаша, Артем не знал. А священник, увидев юношу спросил: «“Миленький, а ты исповедовался?”» [Владимиров, 2012, с. 217]. Форма слова «миленький» – ласкательная – подчеркнула отношение священника ко всякому новому человеку в храме. Готовность приласкать, обогреть, выслушать вложена в это обращение. Священник предложил остаться после службы на исповедь. Отойдя от чаши, студент вдруг заплакал и выбежал из храма: «Не то ли, что чувствует младенец, когда его отторгают от теплой и щедрой материнской груди?.. Таким и чувствовал я себя тогда – совершенным младенцем, обретшим отчий дом, но не удостоившимся родительского хлеба. От текущих слез мне становилось все легче и легче, как будто что-то тяжелое, мутное, годами копившееся в душе, выходило вон» [Владимиров, 2012, с. 218]. Риторический вопрос, адресованный читателю, направлен на пробуждение его к рефлексии. Метафоричный оборот придает этому эпизоду эмоциональность, служит лучшему воздействию на восприятие адресата речи.

Но к исповеди Артем пока еще был не готов и на следующий день в храм не пошел: «Для нового шага ко Христу потребовался еще месяц-другой. Но благодать Господня уже таинственно веяла в моей душе и призывала ее к покаянию...» [Владимиров, 2012, с. 218]. Отношение субъекта речи к этой ситуации в тексте отражения не нашло. Наверное, по причине полного совпадения с объектом речи.

Автор останавливается на описании одного события тридцать четвертой главы «Исповедь», «в котором, однако, склонен видеть точку отсчета и одновременно точку опоры всего своего бытия» [Владимиров, 2012, с. 219].

Получив приглашение на исповедь, Артем не воспользовался им тотчас, но «в душе свершалась незримая работа, может быть, и не совсем мною тогда осознаваемая» [Владимиров, 2012, с. 220]. Когда юноше попала в руки книга «Загробные мытарства блаженной Феодоры», где речь шла о человеческих грехах и посмертном воздаянии за них на Божиим Суде, он в волнении стал ее конспектировать. Ему казалось, что «сам Ангел-Хранитель внимал тогда потугам юноши-христианина подготовиться к первой в его жизни исповеди» [Владимиров, 2012, с. 221]. И на следующее утро юноша снова отправился в храм. Это далось ему очень нелегко. Он выговорил все, что тяготило его душу все эти годы, начиная с самого детства. Батюшка выслушал и прочел над ним разрешительную молитву: «Я почувствовал, что стал легким, как перышко, совершенно невесомым! Не только душа моя окрылилась, но все составы и сочленения, мышцы и кости, казалось, очистились и пели бессловную песнь хвалы и благодарения Спасителю Богу» [Владимиров, 2012, с. 226]. От избытка чувств Артемий, как и в первый раз, вышел на крыльцо храма. После суетной внутренней борьбы автор рисует картину полного умиротворения, тишины, покоя на душе объекта речи.

Заканчивается глава произошедшей в объекте речевых событий переменной: «Господи! Какой чудный, незабываемо яркий мир открылся моему взору! Все было новым, нетленным, прекрасным! <...> Отчий лик, который отныне стал для меня видимым – очами простой, зрячей и горячей веры» [Владимиров, 2012, с. 226–227]. Этим рассказом заканчивается произведение о детстве, отрочестве и юности Артемия Владимирова.

Субъектная сторона речи выражена в подборе слов, описывающих состояние души героя: «Чудный, яркий мир», «яркое солнышко», «лучи сыпались», «бездонное, голубое, необъятное небо», «горячая вера». Все эти лексемы эмоционально положительно окрашены и призваны вызвать в душе читателя такой же мир и покой, какой обрел и герой повествования, сделать изображаемую картину привлекательной, манящей, дарующей надежду и благодать господню. На этом произведение заканчивается, но автор сообщает адресату речи, что дальнейшая судьба его героя описана в других работах писателя. Протоиерей таким способом предлагает всем заинтересовавшимся продолжить общение с его литературными творениями.

Мы определили также, что во всех главах объекты речевых событий служат иллюстрацией для итоговых выводов субъекта речи, а главный вывод состоит в том, что вся жизнь героя была подготовкой его к встрече с Богом: «Бог, бесконечно богатый в милости и щедротах, свидетельствовал нам, малышам, о Своей благодати и нетленным прикосновением положил в тот час на чистые детские сердца печать тишины, безмолвия и мира... Пусть на одно мгновенье. Но и ныне в нем – вся моя жизнь и упование» [Владимиров, 2012, с. 100]. Каждая история – это переплетение объекта и субъекта речевых событий. Оценка произошедшего с точки зрения объекта речи и следом осмысление этого эпизода субъектом речи. Оценка объекта речи: «Брат, видимо, страшился, что тот (гриб) на сковородке может потеряться в общей массе зажаренных грибов и потому опередил события отважным, но не слишком честным поступком». Отношение субъекта речи: «Запретный плод только кажется сладким, но по вкушению чрево всегда чувствует горечь, а сердце наполняется печалью и разочарованием» [Владимиров, 2012, с. 87–88]. Два плана сосуществуют и постоянно взаимодействуют. С той лишь разницей, что объект речи осмысляет все через житейские, земные категории, а субъект – через божественное проведение.

Нами установлено, что субъектно-объектное соотношение выражено и через подбор языковых средств. Словарный состав языка произведения представляет собой синтез общеупотребительной (*внук, бабушка, квартира*), книжной и высокой (*восходит, простереть, миролюбие*) лексики. Выразительными средствами повествования чаще всего выступают эпитеты (*удивительные уроки, духовные сироты*), метафоры (*ковер опавшей листвы*), в том числе развернутые (*утренняя прохлада обдавала нас ветерком, в невидимых струях которого совершали свой прощальный танец ярко-желтые и красно-зеленые листья кленов*), олицетворение как метафора, осложненная сравнением (*приро-*

да говорила со мной, как старая добрая нянюшка), гиперболические сравнения (*рослый господин, как башня Биг-Бена*).

Автор призывает задуматься, осмыслить свою жизнь в кризисную эпоху начала XXI в. В этом состоят основная задача и смысл произведения. Назидательность, призыв к поиску духовного просвещения и обретению Небесного Отца – таковы преобладающие и наиболее частотные (в 30 главах из 34) соотношения субъекта и объекта речевых событий в произведении протоиерея Артемия Владимирова «С высоты птичьего полета».

Список словарей

1. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / под ред. проф. Л.И. Скворцова. 27-е изд., испр. М.: Мир и Образование, 2013. 736 с.

Библиографический список

1. Бахтин М.М. Собрание сочинений: в 7 т. М.: Языки славянских культур, 2012. Т. 3: Теория романа (1930–1961 гг.). 880 с.
2. Болотнова Н.С. Коммуникативная стилистика художественного текста // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 157–162.
3. Бурмакина Н.А., Мамаева Т.В. Аксиологическая доминанта «Любовь» в языке повествователя «Рассказы сибиряка» В.И. Соколовского // Сибирский филологический форум. 2018. № 2. С. 1–14.
4. Васильев А.Д., Васильева С.П., Тимченко А.Г. Этнокультурное сознание и самосознание сибиряка, отраженное в языке: монография / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2015. 204 с.
5. Виноградов В.В. О языке художественной литературы. М.: Гослитиздат, 1959. 656 с.
6. Владимиров А. С высоты птичьего полета. М.: АРТОС, 2012. 230 с.
7. Гончарова Е.А. Пути лингвистического выражения категорий автор – персонаж в художественном тексте. Томск, 1984. 152 с.
8. Корман Б.О. Изучение текста художественного произведения. М.: Просвещение, 1972. 110 с.
9. Романова Г.И. Литературное произведение как художественное единство (форма и содержание) // Литературная учеба. 2004. Кн. 1 (январь-февраль). С. 199–208.
10. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.

Сведения об авторах

Бурмакина Наталья Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: nata-burmakina@yandex.ru

Хлякин Олег Сергеевич – кандидат философских наук, доцент кафедры латинского и иностранных языков, Красноярский государственный медицинский университет им. проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого; e-mail: khlyakin@yandex.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2019-5-1-02>

CORRELATION OF THE SUBJECT AND SPEECH EVENTS' OBJECTS IN THE BOOK BY ARTEMY VLADIMIROV «FROM A BIRD'S EYE VIEW»

N.A. Burmakina (Krasnoyarsk, Russia)

O.S. Khlyakin (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

The article is devoted to the problem of describing the semantic and structural organization of the correlations between objects and the subject of speech events in an autobiographical work. The source of the study is the text of Artemy Vladimirov's book "From a bird's eye view". The interest to this author is primarily due to his personality. Archpriest Vladimirov graduated from the Philological Faculty of Moscow University. The author's childhood (described in the work) happened to elapse among extraordinarily talented people, widely known in the Soviet Union. They were physicists, sculptors, professors, poets, writers and descendants of great painters. It should be noted that Artemy Vladimirov is now a living member of the Union of writers of Russia, as well as the Head of the Department of Homiletics of St. Tikhon Orthodox Humanitarian University, Deputy Dean of the Faculty of Orthodox Culture of the Academy of Strategic Missile Forces.

The subject of the research is the functional features of lexico-semantic organization of object-subject relations in the selected text. These relations are (1) the exponents of the great emotional, aesthetic and semantic charge; (2) they are the defining component of the work's worldview; (3) they are used by the author as the main means in the characterization of the leading values of Vladimirov's art: life, death, God.

The purpose of this work is to determine the features of the subject and object of speech events in the individual language system of Artemy Vladimirov.

The research is based on the linguistic analysis of the text built upon the concept of B.O. Korman in the description of the subject and the object of speech events and the principles of N. S. Bolotnova, which included these relations in the elements of structural analysis of the text.

The analysis revealed that the majority of the chapters are built on the principle of Christian preaching: the thesis is based on the experience of life (memories of the author's childhood), in conclusion, the author sees the Providence of God: the Lord is watching all the actions of man, nothing happens without His will. In all the chapters the objects of speech events serve as an illustration for the final conclusions of the subject of speech, and the main conclusion is that the whole life of the hero was preparing him for a meeting with God. Each story is an interweaving of the object and the subject of speech events. Assessment of what happened from the point of view of the object of speech and then understanding this episode by the subject of speech.

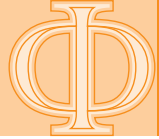
Key words: *subject of speech, object of speech, linguistic analysis of the text, individual linguistic picture of the world, values, linguistic personality, personality of the author.*

Spisok slovni

1. Ozhegov S.I. Tolkovyj slovar` russkogo yazy`ka: ok. 100 000 slov, terminov i frazeologicheskix vy`razhenij / pod.red. prof. L.I. Skvorczoava. 27-e izd., ispr. M.: Mir i Obrazovanie, 2013. 736 s.

Bibliograficheskij spisok

1. Baxtin M.M. Sobranie sochinenij: v 7 t. T. 3. Teoriya romana (1930–1961 gg.). M.: Yazy`ki slavyanskix kul`tur, 2012. 880 s.

2. Bolotnova N.S. Kommunikativnaya stilistika xudozhestvennogo teksta // Stilisticheskij e`nciklopedicheskij slovar` russkogo yazy`ka / pod red. M.N. Kozhinoj. M.: Flinta: Nauka, 2003. S. 157–162.
3. Burmakina N.A., Mamaeva T.V. Aksiologicheskaya dominanta «Lyubov`» v yazy`ke povestvovatelya «Rasskazy` sibiryaka» V.I. Sokolovskogo // Sibirskij filologicheskij forum. 2018. № 2. S. 1–14.
4. Vasil`ev A.D., Vasil`eva S.P., Timchenko A.G. E`tnokul`turnoe soznanie i samosoznanie sibiryaka, otrazhyonnoe v yazy`ke: monografiya / Krasnoyar. gos. ped. un-t im. V.P. Astaf`eva. Krasnoyarsk, 2015. 204 s.
5. Vinogradov V.V. O yazy`ke xudozhestvennoj literatury`. M.: Goslitizdat, 1959. 656 s.
6. Vladimirov A. S vy`soty` ptich`ego poleta. M.: ARTOS, 2012. 230 s.
7. Goncharova E.A. Puti lingvisticheskogo vy`razheniya kategorij avtor – personazh v xudozhestvennom tekste. Tomsk, 1984. 152 s.
8. Korman B.O. Izuchenie teksta xudozhestvennogo proizvedeniya. M.: Prosveshhenie, 1972. 110 s.
9. Romanova G.I. Literaturnoe proizvedenie kak xudozhestvennoe edinstvo (forma i sodержanie) // Literaturnaya ucheba. 2004. Kn. 1 (yanvar`-fevral`). S. 199–208.
10. Schmid B. Narratologiya. M.: Yazy`ki slavyanskoj kul`tury`, 2003. 312 s.

About the authors

Burmakina Natalia Alekseevna – PhD in Philology, associate professor of the Department of General Linguistics, Krasnoyarsk state pedagogical University named after V.P. Astafieva, Krasnoyarsk, Russia; e-mail: nata-burmakina@yandex.ru

Khlyakin Oleg Sergueevich – PhD in Social Philosophy, associate professor of the Department of Latin and Foreign languages, Krasnoyarsk Voyno-Yasenetsky State Medical University, Krasnoyarsk, Russia; e-mail: khlyakin@yandex.ru

УДК 81'23

АССОЦИАТИВНОЕ ПОЛЕ КИНО

Т.М. Низамутинова (Красноярск, Россия)

Аннотация

Статья посвящена структурному и семантическому анализу ассоциативного поля КИНО (от реакции к стимулу) и (от стимула к реакции) в региональном и российском языковом сознании. Выявляются различия в смысловой структуре поля и ценностных ориентирах сибиряков.

Исследование осуществлялось путем анализа реакций ассоциативного поля КИНО в Русском ассоциативном словаре (РАС) и Электронном ассоциативном словаре (ЭАСПС – электронная база данных).

В результате выявлены различия в ценностных ориентирах сибиряков XXI в. и жителей регионов России XX в.

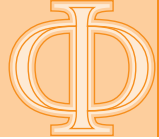
Ключевые слова: *психолингвистика, ассоциативное поле, ассоциативный словарь, аксиологический аспект, ценностный аспект, Приенисейская Сибирь, кино.*

Постановка проблемы. Изучение проблемы репрезентации языкового сознания широко представлено в научной литературе. Основным инструментом проникновения в структуры языкового сознания является свободный ассоциативный эксперимент. В результате массовых ассоциативных экспериментов создаются ассоциативные словари, в которых представлены материалы ассоциативных экспериментов – ассоциативные поля, анализ которых – это путь к выявлению системности образа мира носителей той или иной культуры. На современном этапе развития науки считается, что именно таким способом изучаются глубинные слои сознания.

Ассоциативные словари, включающие «прямые» и «обратные» статьи, опираются на использование электронных баз данных. В представленном исследовании мы обратились к электронным базам данных двух словарей: Русскому ассоциативному словарю (РАС) [Караулов, Сорокин, Тарасов и др., 2002] и Электронному ассоциативному словарю Приенисейской Сибири (ЭАСПС) [Васильева, Васильев и др., 2017]. Виды поиска: прямой и обратный.

«Обращение к материалам массового ассоциативного эксперимента, зафиксированного в электронной базе данных “Электронный ассоциативный словарь Приенисейской Сибири” (ЭАСПС), позволяет реализовать идею видения ассоциативного поля как текста. Устанавливая смысловые связи между стимулом и ассоциациями, можно увидеть в них не просто список, а ценностные установки и векторы деятельности сознания. При этом в работе остается важной принятая система стратегий ассоциирования в ассоциативном поле, при которой, как правило, выделяется ядро на основе частотности реакций и периферия» [Васильева, 2015, с. 214].

В статье проводятся наблюдение и выявление специфических черт языкового сознания сибиряков на основе сопоставления данных ЭАСПС (2013–2017) и РАС (1988–1998).

Цель – выявить общие и региональные черты языкового сознания русских на основе сопоставительного анализа ассоциативного поля КИНО.

Приступая к анализу ассоциативного поля, исходим из того, что в период сбора материала и составления словарей социальная и политическая обстановка в России значительно различалась, соответствующим образом она отражена в языковом сознании носителей языка. Полагаем, что наши наблюдения позволят выявить, каким образом изменилась структура образа КИНО в языковом сознании русских. При анализе ассоциативного поля «важно выявить оценку, мнение, суждение о качествах, предмете» такого явления, как кино [Васильева, 2018, с. 6].

Результаты исследования. В данном исследовании обратимся к обратным словарям РАС и ЭАСПС с целью анализа ассоциативного поля КИНО. В словаре РАС стимулов, вызвавших реакцию у респондентов, – 631, различных стимулов, вызвавших реакцию, – 213, стимулов, вызвавших реакцию один раз, – 139. По данным ЭАСПС, стимулов – 62.

Различия в количественном составе сопоставляемых стимулов объясняется различиями в охвате территории и числе русскоязычных испытуемых массового ассоциативного эксперимента. С учетом различия в количественном составе данных словарей сопоставительный количественный анализ основывается на ранжировании по частоте и переводе данных в проценты [Васильева, 2015].

Более половины всех реакций поля в ЭАСПС составляют имена существительные, в РАС их значительно меньше. Глаголы преобладают в РАС, имена прилагательные – в ЭАСПС.

Для того чтобы осмыслить вышесказанное, обратимся к семантике частей речи, включенных в формально-грамматический состав ассоциативного поля КИНО. Глагол как часть речи обозначает действие, передает динамику, имя существительное – предметность, имя прилагательное – непроцессуальный признак предмета [Васильева, Васильев и др., 2017, с. 42].

Таким образом, приходим к выводу, что представление о кино в языковом сознании русских конца XX в. отличается большим динамизмом, чем у сибиряков начала XXI в.

Для доказательства нашей позиции сравним наиболее многочисленные реакции ассоциативного поля КИНО. Для этого обратимся к первым десяти реакциям, то есть ядерной зоне ассоциативного поля (от реакции к стимулу).

Таблица 1

Ядерная зона ассоциативного поля КИНО РАС и ЭАСПС (обратный вход)

№	РАС	ЭАСПС	
	10–25 лет (631 стимул)	18–25 лет (62 стимула)	26–40 лет (19 стимулов)
1	2	3	4
1	Показывать 8,24 %	Снимать 20,97 %	Снимать 21,05 %
2	Посмотреть 6,50 %	Посмотреть 12,9 %	Билет 15,79 %
3	Серия 4,12 %	Серия 11,29 %	Смотреть 15,79 %
4	Театр 3,80 %	Смотреть 9,68 %	
5	Снимать 3,49 %	Сходить 8,06 %	

Окончание табл. 1

1	2	3	4
6	<i>Смотреть</i> 3,33 %	<i>Билет</i> 6,45 %	
7	<i>Снимают</i> 2,69 %	<i>Снять</i> 4,84 %	
8	<i>Афиша</i> 2,06 %	<i>Театр</i> 4,84 %	
9	<i>Смотрели</i> 2,06 %	<i>Пойти</i> 3,23 %	
10	<i>Билет</i> 1,74 %	<i>Показать</i> 3,23 %	

Из табл. 1 видно, что в ядерной зоне ассоциативного поля КИНО в РАС и ЭАСПС совпадают 3 слова: *снимать*, *смотреть*, *билет*. Однако в РАС на первой строке слово-стимул: «показывать», тогда как в ЭАСПС у респондентов 18–25 лет слово-стимул «показать» находится на последней, 10-й строке (едва входит в ядерную зону), в ассоциативном поле сибиряков 26–40 лет такого стимула нет вообще. В 90-е гг. XX в. (РАС) возникает многочисленная ассоциативная связь: *кино* – *показывать*, а через 20 лет в 2013–2016 гг. XXI в. (ЭАСПС) преобладает ассоциативная связь *кино* – *снимать*. Слово-стимул «снимать» в ЭАСПС занимает первую строку, тогда как в РАС – пятую. Следовательно, для сибиряка важно действие: *снимать*, а не процесс потребления: *смотреть*. В семантическом и формально-грамматическом признаках единиц в ядерной зоне наблюдаем общую закономерность. В ЭАСПС это 7 глаголов: *снимать*, *посмотреть*, *смотреть*, *сходить*, *снять*, *пойти*, *показать*; 3 существительных: *серия*, *билет*, *театр*. В РАС 6 глаголов: *показывать*, *посмотреть*, *снимать*, *смотреть*, *снимают*, *смотрели*; 4 существительных: *серия*, *театр*, *афиша*, *билет*.

Среди стимулов, вызвавших реакцию *кино* в ЭАСПС, учитывая их частоту, более половины – имена существительные. Рассмотрим ядерную зону предметной составляющей ассоциативного поля КИНО, то есть первые десять имен существительных по частоте.

Таблица 2

**Предметная составляющая ассоциативного поля КИНО РАС и ЭАСПС
(обратный вход)**

№	РАС	ЭАСПС	
	18–25 лет (631 стимул)	18–25 лет (62 стимула)	26–40 лет (19 стимулов)
1	<i>Серия</i> 4,12 %	<i>Серия</i> 11,29 %	<i>Билет</i> 15,79 %
2	<i>Театр</i> 3,80 %	<i>Билет</i> 6,45 %	
3	<i>Афиша</i> 2,06 %	<i>Театр</i> 4,84 %	
4	<i>Билет</i> 1,74 %		
5	<i>Спектакль</i> 1,43 %		
6	<i>Экран</i> 0,95 %		
7	<i>Кадр, монтаж, неделя</i> 0,79 %		
8	<i>Героиня, телевидение</i> 0,63 %		
9	<i>Актер, жанр, игла, кинотеатр, конец, ряд, сюжет, фантастика</i> 0,48 %		
10	<i>Боевик, бум, видео, детектив, звезда, империя, искусство, камера, любитель, монстр, ночь, победа, подход, робот, ролик, фильм</i> 0,32 %		

Отмечаем 3 совпадения среди имен существительных: *серия, театр, билет*. Совпадают позиции слов *Серия*: 1. Ряд однородных предметов (единого назначения, тематики, жанра и т.п.). 2. Техн. ряд изделий, деталей, машин, изготовленных по одному стандарту. 3. Относительно самостоятельная часть большого теле- или кинофильма (обычно длительностью 45–90 минут) 4. Разряд, категория бумаг (денежных знаков, облигаций, документов и т.п.), обозначаемых цифрами или буквами. 5. Ряд последовательных действий, поступков¹. Слово *серия* в ЭАСПС занимает первое место и имеет существенно больший процент – 11,29 % (62 стимула), чем в РАС – 4,12 % (631 стимул).

Это может говорить о популярности сериалов в 90-е гг XX в. Стимулы *билет и театр* занимают второе и третье места и имеют преимущественно высокий процент в сравнении с РАС. *Билет, кинотеатр* в сознании молодых сибиряков – на втором месте после просмотра сериалов. Билет: 1. Документ, удостоверяющий право пользования чем-л., посещения чего-л., участия в чем-л. 2. Документ, удостоверяющий принадлежность к какой-л. организации, группе населения. 3. Бумажный денежный знак. 4. Листок с вопросами, на которые должен ответить экзаменующийся; сами такие вопросы².

Анализируя предметную составляющую ассоциативного поля КИНО, мы обратились к прямому входу в РАС и ЭАСПС, так как именно здесь увидели конкретизацию понятий. В словаре под редакцией С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой находим: *Кино* – первая часть сложных слов со значением: относящийся к кинематографии, к кино, например, *киногородок, киножурнал, кинозал, кинозвезда, кинозритель, киноискусство, кинокамера, кинокомедия, кинооператор, кинопанорама, киноплёнка, кинопромышленность, кинорежиссер, киносеть, киносценарий, киносъёмка, киносюжет, кинофестиваль, кинохроника, киноэкрэн*.

Наибольшее количество реакций на стимул *Кино – фильм* либо свидетельствует о первичном представлении сибиряка о кино как о фильме, либо воспринимается как первая часть сложного слова, связанного с кинематографией. Подтверждение вышесказанному находим в Большом толковом словаре под редакцией Кузнецова: *Фильм* – а; м. [англ. film – плёнка] = *Кинофильм; кинокартина. Монтаж фильма. Просмотр фильма. Хроникальный ф. Телевизионный ф. Короткометражные фильмы*³.

В словаре С.И. Ожегова значится: *Фильм*, -а, м. 1. Тонкая плёнка в виде ленты со светочувствительным слоем, употр. Для киносъёмок (устар. спец., первонач. Также фильма, -ы, ж). 2. Такая лента со снимками, объединёнными единым сюжетом или задачей информации, предназначенная для проекции на экран, для показа в кино, по телевидению; произведение кино- или телеискусства. *Учебный ф. Художественный ф. Научно-популярный ф. Игровой, хроникальный ф. Телевизионный ф. Короткометражный ф. Ф.-опера*⁴.

¹ Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2000. 536 с.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / под общ. ред. проф. Л.И. Скворцова. 24-е изд., испр. М.: Оникс: Мир и образование, 2010. 640 с.

Учитывая большой объем семантических единиц поля, сгруппируем их по тематическому признаку, включая ранжирование по количеству ассоциаций, представляющих образ кино в сознании сибиряка.

1. Аксиологический аспект (оценочные понятия, используемые для характеристики объекта):

а) позитивные характеристики (здесь и далее ассоциации расположены по убыванию): *интересное, смешное, отличное, классное, романтическое, любовь, интересно, развлечения, отдых, родное;*

б) негативные характеристики: *неинтересно, плохое;*

в) нейтральные характеристики: *реальность.*

2. Экономический аспект: *дорого.*

Для сибиряков важен экономический аспект: для молодежи сходить в кино – *дорого.*

3. Названия фильмов: *«Форсаж»* (американская медиафраншиза, боевик, триллер; 2001, 2003, 2006, 2009, 2011, 2013, 2015, 2017 – на данный момент 8 фильмов), *«Прекрасный ноябрь»* (1969; драма; Италия, Франция), *«Мулен Руж!»* (2001; Австралия, США; фильм-мюзикл, драма, мелодрама), *«Мимино»* (1977; СССР; комедия).

4. Жанры кинофильмов: *комедия, сериал, ужастик, драма, немое.*

5. Страна-производитель: *итальянское, русское, советское.*

6. Связь с едой: *попкорн, кафе.* Поход в кино как развлечение дополняется вкусовыми ощущениями.

7. Повод для встречи: *свидание, встреча, любовь.*

8. Любимые герои: *В. Цой, Никулин, Штирлиц.*

В результате тематического анализа ассоциативного поля КИНО можно заключить, что для сибиряка Приенисейской Сибири кино является важной частью культурной жизни. Из рассказов старшего поколения известно, что в советское время новые книги и фильмы обсуждали всем обществом, возможно, это объединяющее начало сохранилось в сознании потомков. Молодые сибиряки в возрасте 18–25 лет называли такие фильмы, как «Форсаж», «Прекрасный ноябрь», «Мулен Руж!» и «Мимино». По данным ассоциативного поля можно судить, фильмы какой страны были особенно интересны сибирякам: *итальянские, русские, советские.* Поводом для посещения кинотеатра у сибиряков являются: *свидание, встреча, любовь.* Интересно, что кино ассоциируется в основном с просмотром кинофильма в кинозале либо перед экраном телевизора, где обязательно наличие еды: *попкорн, кафе.* Сибиряки предпочитают жанры: *комедия, ужасы и сериалы, драма, немое кино, фэнтези.*

На периферии поля в ЭАСПС представлено такое имя, как *В. Цой.* У респондентов-сибиряков встречается трижды и не попадает в ядерную зону потому, что представлены варианты написания: как имя собственное и как нарицательное: *Цой* (1), *В. Цой* (1), *цой* (1). С именем *В. Цоя* ассоциируется группа «Кино». В русском ассоциативном словаре имя *Цой* тоже на периферии, так как записано по-разному: *Цой* (2), *В. Цой* (1), *Виктор* (1); словосочетание из песни:

«*группа крови на рукаве*» (1), *группа* (1). Сейчас современникам В. Цоя, молодому поколению того времени, от 42 до 49 лет. Любопытно, что интерес к личности В. Цоя и группе «Кино» не ослабевает спустя почти 20 лет.

Выводы. В результате анализа ассоциативного поля КИНО в базах данных словарей РАС и ЭАСПС, которые отражают фрагмент языкового сознания различных временных периодов, отмечаем следующее. Выстроив реакции-ассоциации, представленные в ассоциативных словарях в иерархической последовательности, можно заметить, что в Русском ассоциативном словаре XX в. (РАС) и Электронном ассоциативном словаре Приенисейской Сибири начала XXI в. (ЭАСПС) отмечается общая часть из 5 ассоциаций, представляющих основу ассоциативного поля КИНО: *смотреть, снимать, серия, театр, билет*. Однако количественное предпочтение сибиряков XXI в. склоняется в сторону глагола *снимать* (кино), а представители старшего поколения в XX в. предпочли глагол *смотреть* (кино).

В ассоциативном поле КИНО отражаются перемены в жизни общества, отмечаемые на уровне периферии поля.

1. В РАС (1988–1998) среди реакций на слово-стимул «кино» названы носители: *на кассете (1), пленка (1), стерео (1)*; в ЭАСПС (2013–2017) таких ассоциаций нет, поскольку в результате научно-технического прогресса изменились носители информации.

2. В РАС отмечаются предпочтения страны-производителя кинофильмов: *индийское, Индия, французское*; в ЭАСПС: *русское, советское*. Вероятно, это вызвано ностальгией.

3. В РАС с «кино» ассоциируются: *концерт (2), зрелище (2), фестиваль (2)*; в ЭАСПС таких реакций уже нет. Вероятно, изменился набор развлечений, предлагаемых современному человеку, который не ассоциируется со словом «кино».

Список словарей

1. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2000. 536 с.
2. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / под общ. ред. проф. Л.И. Скворцова. 24-е изд., испр. М.: Оникс: Мир и образование, 2010. 640 с.
3. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. URL: <http://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=34233> (дата обращения: 17.06.2018).

Библиографический список

1. Васильева С.П. «ВЕРА», «НАДЕЖДА», «ЛЮБОВЬ» в языковом сознании сибиряков Приенисейской Сибири // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2015. № 2(32). С. 214–220.
2. Васильева С.П. Деньги как ценность в языковом сознании русских Приенисейской Сибири // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2016. № 2. С. 158–165.
3. Васильева С.П. Представление о КРАСОТЕ в языковом сознании сибиряков-красноярцев // Сибирский филологический форум: научное периодическое электронное сетевое издание. 2018. № 1. С. 4–10. URL: www.sibfil.ru (дата обращения 15.01.2019).
4. Васильева С.П., Васильев А.Д., Шибаев М.В. Электронный ассоциативный словарь Приенисейской Сибири (ЭАСПС). URL: <http://react.ftn24.ru/statistic> (дата обращения: 15.06.2018).

5. Караулов Ю.Н., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А. Русский ассоциативный тезаурус современного русского языка: в 3 ч., 6 кн. М., 1994, 1996, 1998. Кн. 1, 3, 5: Прямой словарь: от стимула к реакции. Кн. 2, 4, 6 (РАС): Обратный словарь: от реакции к стимулу. URL:<http://thesaurus.ru/dict.php> (дата обращения: 15.06.2018).
6. Уфимцева Н.В. Образ мира русских: системность и содержание // Язык и культура. 2009. № 4 (8). С. 98–111.
7. Уфимцева Н.В. Русские: опыт еще одного самопознания // Этнокультурная специфика языкового сознания: сб. ст. Изд. 2-е / отв. ред. Н.В. Уфимцева. М., 2003. С. 139–162.

Сведения об авторе

Низамутинова Татьяна Магесумовна – аспирант кафедры общего языкознания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: taniamaks24@mail.ru

ASSOCIATIVE FIELD OF CINEMA

T.M. Nizamutina (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

The article is devoted to the structural and semantic analysis of the associative field of CINEMA (from reaction to stimulus and from stimulus to reaction) in the regional and Russian linguistic consciousness. Differences in the semantic structure of the field and value orientations of Siberians are revealed.

The study was carried out through analyzing the reactions of the associative field of CINEMA in the Russian Associative Dictionary (RAS) and the Electronic Associative Dictionary (EASPS - electronic database).

As a result, differences were revealed in the value orientations of Siberians of the 21st century and residents of other Russia's regions of the 20th century.

Key words: *psycholinguistics, the associative field, associative dictionary, axiological aspect, value aspect, the Yenisei Siberia, cinema.*

Spisok slovni

1. Bolshoy tolkovyy slovar russkogo yazyka/pod red. S.A. Kuznetsova. SPb.: Norint. 2000. 536 s.
2. Ozhegov S.I. Tolkovyy slovar russkogo yazyka/pod obshch. red. prof. L.I. Skvortsova. 24-e izd.. ispr. M.: Oniks: Mir i obrazovaniye. 2010. 640 s.
3. Ozhegov S.I., Shvedova N.U. Tolkovyy slovar russkogo yazyka. URL: <http://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=34233> (data obrashcheniya: 17.06.2018).

Bibliograficheskiy spisok

1. Vasilyeva S.P. «VERA», «NADEZDA», «LUBOV» v yazykovom soznanii sibiryakov Priyeni-seyskoy Sibiri // Vestnik KGPU im. V. P. Astafyeva. 2015. № 2(32). S. 214–220.
2. Vasilyeva S.P. Dengi kak tsennost v yazykovom soznanii russkikh Priyeniseyskoy Sibiri // Vestnik KGPU im. V.P. Astafyeva. 2016. № 2. S. 158–165.
3. Vasilyeva S.P. Predstavleniye o KRASOTE v yazykovom soznanii sibiryakov-krasnoyartsev // Sibirskiy filologicheskiy forum: nauchnoye periodicheskoye elektronnoye setevoye izdaniye. 2018. № 1. S. 4–10. URL: www.sibfil.ru (data obrashcheniya 15.01.2019).
4. Vasilyeva S.P., Vasilyev A.D., Shibayev M.V. Elektronnyy assotsiativnyy slovar Priyeniseyskoy Sibiri (EASPS) URL: <http://react.ftn24.ru/statistic> (data obrashcheniya: 15.06.2018).
5. Karaulov Yu.N., Sorokin Yu.A., Tarasov E.F., Ufimtseva N.V., Cherkasova G.A. Russkiy assotsiativnyy tezaurus sovremennogo russkogo yazyka: v 3 ch., 6 kn. M., 1994.1996. 1998. Kn. 1, 3, 5: Pryamoy slovar: ot stimula k reaktsii. Kn. 2, 4, 6 (RAS); Obratnyy slovar: ot reaktsii k stimulu. URL: <http://tesaurus.ru/dict.php> (data obrashcheniya: 15.06.2018).
6. Ufimtseva N.V. Obraz mira russkikh: sistemnost i sodержaniye // Yazyk i kultura. 2009. № 4 (8). S. 98–111.
7. Ufimtseva N.V. Russkiye: opyt eshche odnogo samopoznaniya // Etnokulturnaya spetsifika yazykovogo soznaniya: sb. st. Izd. 2-e / otv. red. N.V. Ufimtseva. M., 2003. S. 139–162.

About the author

Nizamutina Tatiana Magesumovna – Postgraduate student, department of General Linguistics, Krasnoyarsk state pedagogical University named after V.P. Astafieva; e-mail: taniamaks24@mail.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2019-5-1-03>

УДК 81

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «ЖИЛИЩЕ» В РУССКИХ ГОВОРАХ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ (ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

А.Г. Тимченко (Красноярск, Россия)

Аннотация

Диалекты хранят ценностно-культурологическую информацию, лексические диалектные единицы вербализуют духовную и материальную культуру народа. Следовательно, говоры являются продуктивным материалом для выявления национально-культурной специфики того или иного народа. Жилище всегда было центром материальной и духовной культуры. Каждая постройка, каждая ее деталь имели определенное значение.

Цель работы – выявление и описание лексических единиц, составляющих фрагмент диалектной языковой картины мира «названия построек и их частей», входящих в семантическое поле «жилище», в русских говорах Красноярского края в лингвокультурологическом отношении.

Именования региональных построек и их частей являлись предметом исследования специалистов в области диалектологии, лексикологии, культурологи с середины XX в., интерес к данной теме не угас и в XXI в.

Методология (материалы и методы). Основным методом анализа стал описательный метод, включающий сопоставление и логическую классификацию отобранных единиц, также применялись методы контекстного и компонентного анализа лексем. Материалом наблюдений явились лексические единицы русских говоров Красноярского края (названия построек и их частей), извлеченные методом сплошной выборки из словарей русских говоров северных, центральных и южных районов Красноярского края.

В *результате* исследования выявлено, что значительное количество лексических единиц, именуемых постройки и их части, входящих в семантическое поле «жилище», демонстрируют очень высокую степень расчлененности исследуемого тематического пространства. Это свидетельствует о четко разработанной структуре семантического поля «жилище» в диалектной системе Красноярского края. Наиболее характерными признаками, актуализирующимися в лексемах семантического поля «жилище», являются: темпоральность, особенности процесса строительства, локативный признак, функция, соотношение частей жилища, качественные характеристики.

Ключевые слова: говоры, семантическое поле, жилище, лингвокультурологический аспект, диалектная языковая картина мира, национально-культурная специфика.

Постановка проблемы. Диалекты содержат этнокультурологические данные, вербализуют и репрезентируют в словесных знаках информацию о прошлом (что наиболее важно для исследователей) и настоящем. Диалектные лексические единицы отражают материальную и духовную народную культуру, способствуют фрагментарному реконструированию не только истории культуры региона, но и истории культуры народа. Жилище в сознании многих

народов является средоточием материальной и духовной культуры. Каждой постройке на придомовой территории отводилась особая роль. Все же, что строилось за пределами дома и прилегающей к нему территории, создавалось часто «по образу и подобию» вышеназванного.

Цель данной работы – выявление и описание лексических единиц, составляющих фрагмент диалектной языковой картины мира «названия построек и их частей», входящих в семантическое поле «жилище», в русских говорах Красноярского края в лингвокультурологическом отношении.

Обзор научной литературы по проблеме. Именования региональных построек и их частей давно являются предметом исследования специалистов в области диалектологии, лексикологии, культурологии; активно стали изучаться в середине XX в. [см., например: Руделев, 1958; Гольдин, 1967; Дерягин, 1969; Мораховская, 1975; Андреев, 1993], однако интерес к данной теме не угас и в XXI в. [см., например: Чернетских, 2000; Шубина, 2004; Забродкина, 2007; Баженова, 2011; Мочалова, Маслова, 2013], в том числе тема дома возникает и в разных областях научного знания [Ким Джун Сок, 2018].

Лексические единицы, называющие постройки, порой отражают сложные лексико-семантические различия: «Различия в названиях крестьянской жилой постройки – это различия и в субстантивации (одним говорам известно название хата, другим – название изба, третьим – дом), и в структуре (в одних говорах названия дом и изба являются синонимами, в других название изба может означать крестьянскую жилую постройку более простого типа, а название дом – постройку усложненного типа и т.д.)» [Мораховская, 1975, с. 10].

Методология (материалы и методы). Материалом наблюдений явились лексические единицы русских говоров Красноярского края (названия построек и их частей), извлеченные методом сплошной выборки из словарей русских говоров северных, центральных и южных районов Красноярского края. Основным методом анализа стал описательный метод, включающий сопоставление и логическую классификацию отобранных единиц, также применялись методы контекстного и компонентного анализа лексем.

Результаты исследования. Нами были выделены несколько признаков, актуализированных в семантическом поле (далее – СП) «жилище». Данные лексем структурированы в рамках тематического подхода.

Основным признаком, который реализуется в наименованиях лексем СП «жилище», является признак *темпоральности*.

1. **Зимнее:** *баз* – постройка для зимовки скота (Словарь русских говоров южных районов Красноярского края; далее – СЮГ); *зимовьЕ* – временное зимнее жилище (СЮГ, Словарь русских говоров центральных районов Красноярского края; далее – СЦГ); *стАйка, стаЕшка* – теплое помещение для скота (СЮГ, СЦГ); *теплЯк* – теплое помещение, землянка для зимнего хранения пчел в ульях (СЮГ) и др.

Приведенное значение в производных лексемах может быть выражено как эксплицитно – в морфемной структуре (корневая основа *зим-* с добавлением раз-

личных оттеночных аффиксов; *тепл-* – в данном случае «предназначенный для холодного времени года»; *кут-* от «диал. укúтать “спрятать”» (Фасмер, т. 2, 1986, с. 433), в данном случае – от холода), так и имплицитно – в семантике и этимологии слова.

2. **Летнее:** *зимовЕйка, зимовьЕ* (во втором знач.) – 2. хозяйственная постройка во дворе, летняя кухня (Словарь русских говоров северных районов Красноярского края; далее – ССГ); *лЕдник* – подвальчик со льдом, куда летом и весной складывали продукты (СЮГ); *лЕтник* – 1. дорога, которой пользуются только летом 2. летнее жилище 3. загон для скота летом (СЮГ); *хАтка* – 2. летний домик (СЦГ) и др.

В структуре самих лексем, а также в этимологии именовании актуализирована связь с теплым временем года (*лет-* с добавлением оттеночных аффиксов; *зим-* и *лед-* как указания на то, что этот объект мог использоваться в теплое время года).

3. **Временное:** *балагАн* – временная постройка (ССГ); *гуливАн, гуливУн* – ночевка охотников в лесу под открытым небом (ССГ); *жилО* – охотничий домик в тайге (СЦГ); *избУшка* – 4. временное жилище, сторожка / временное жилище на отдаленных угодьях, в лесу или на покосе (СЦГ); *стАн* – 1. временное жилище людей в тайге или в поле (СЮГ); *станОк* – 2. временное жилище на покосе, в поле (ССГ); *тАбор* – стоянка, месторасположение сборщиков кедровых шишек, охотников (СЦГ) и др.

В связи с обширной хозяйственной деятельностью и промыслами (охотой, лесозаготовками, сбором шишек, ягод, грибов и т.п.) сельские жители Красноярского края вынуждены были останавливаться на ночлег, а также более длительные стоянки за пределами территории дома, своей деревни. В связи с этим новое, неосвоенное пространство трансформировалось во временное жилище, наделялось сходными признаками: ср. *жилО, жилИще* как временные постройки (семантизация от глагольной основы по действию *жить*), *избУшка* как временное жилище на покосе и *избА, избУшка* (уменьш.) как капитальный дом. Временный признак подобного строения содержится в значениях, структуре лексем: *стан* и образованные от него дериваты имеют связь, по мнению Фасмера, с др.-инд. *sthānam* «место, место пребывания» (Фасмер, 1987, т. 3, с. 745) (стоит отметить, что в первом значении *станОк* – это населенный пункт, поселок (ССГ)); *заИмка* – от «за и *jьтjька: jęti; см. возьмý», словарь Фасмера указывает первым значением у слова «недавно заселенный участок земли» (Фасмер, 1986, т. 2, с. 75). Территория Красноярского края длительное время была населена коренными народами, ведущими преимущественно кочевой образ жизни (в связи с климато-географическими особенностями и родом занятий населения). Лексика говоров старожилков содержит именованные традиционных временных жилищ кочевых народов: *кыл, юрта* (и образованные от нее дериваты, указывающие на временность построек уже некоренных народов). Встречаются также заимствования и из других языков: *балагАн* (вероятно, из эвенк. *balayan* «жилище (дом деревянный, бревенчатый)» [Аникин, 2000, с. 113]);

гуливАн (и образованные от него синонимичные единицы) – от эвенкийского гулувун «очаг» [Аникин, 2000, с. 171]; *тАбор* (из тюрк.; тур., крым.-тат. tabur «укрепление из повозок», чагат. tarkur «укрепление» (Фасмер, 1987, т. 4, с. 7)); *тЫрна* (предположительно, от *тЫрна*, поскольку связывается со скотом, что «из рум. țîrlă – то же, которое заимств. из болг. търло «загон» (Фасмер, 1987, т. 4, с. 132)). Названия временных построек за пределами жилища могут быть метафоричны: *берлОг* – по аналогии с местом обитания хозяина леса медведя; *токовИце* – параллель с местом где «токуют тетерева».

В значениях лексем актуализирован также другой семантический признак – **производимые над постройкой действия, особенности постройки**: *дом крестОвый*, *дом крУглый* – дом с внутренними двумя пересекающимися стенами (СЮГ); *засыпУшка* – тип жилой или хозяйственной постройки с двойным каркасом из деревянного строительного материала, между стенами которого засыпаны земля или опилки (СЦГ); *испОдь* – основа для дома из бревен лиственницы (ССГ); *истрУб* – недостроенный дом (без крыши) (СЮГ); *крУглый дом* – дом с четырехскатной крышей (СЦГ); *мАтка2*, *мАтница*, *матнЯ2* – основная балка в потолке (ССГ); *рубИть в лАпу* – строить дом особым способом углового соединения бревен (СЮГ); *стрОить в лАпу* – метод постройки дома (ССГ); *череповОй* – бруски, к которым крепится шифер или другое покрытие крыши (СЦГ) и др.

Множество лексем, отражающих во всей полноте процесс строительства, не случайно. В доме, как своего рода Космосе в миниатюре, все должно находиться на определенном месте. В связи с этим постройка жилища старожилами осуществлялась основательно: совершался не один обряд, тщательно выбиралось место для постройки, время, материал. По мере постройки жилища территория, избранная для него, превращалась из Хаоса в Космос. Территория Красноярского края – это преимущественно переселенческая территория, на которую люди принесли с собой традиции построек и трансформировали их здесь в зависимости от климатических условий и особенностей местности. Историк-краевед Б.Е. Андюсев отмечает, что наиболее приемлемыми для местного климата и часто используемыми являлись «крестовые дома», которые возводились в конце XVIII – начале XIX вв.: «Крестовый дом, или “крестовик”, представлял собой значительных размеров помещение, разделенное внутри крестообразно, двумя капитальными стенами. Крестовый дом имел и другие существенные особенности, характеризующие его как вершину строительного искусства сибирских старожилов» [Андюсев]. Говоры Красноярского края содержат большое число именованных подобных построек в разных районах (*дом крестОвый*, *дом крУглый*, *крестовАтик*, *крестовИк*, *дом по-круУглому*), особенностей кладки бревен (*по-круглому*, *по-крестовому*), крыши (*крУглая крыша*). В разных районах края сруб могли именовать так: *истрУб* (фонетический диалектизм от *сруб*); *обвЯзка* (от глагольной формы по действию – обвязать вокруг); *обрУб*, *стрУб* (образованы от апеллятивной основы), ласковое *стру-*

жОк1. Венцы сруба называли стопОй (в основе лежит метафорический перенос), а первый и последний ряды бревен – *связнЫми*.

Придомовая территория порой застраивалась комплексно: амбары, бани, клетки, теплые сени часто для сохранения тепла строились примыкая к дому. Лексемы, которые указывают нам на характерные пристройки к жилищу: *крУглая изба* (в ней сени и кладовая пристроены к дому), *пристЕнок*, *подтовАрник* (пристройка без стен; содержится сема «под хранение чего-либо», в данном случае сена), *трехстЕнок*, *трехстЕнка* (четвертой стеной являлась стена дома).

Климато-географические условия проживания на территории Красноярского края довольно суровы, поэтому жилые постройки создавали особым способом рубки: *в угол*, *в крюк*, *в лапу*, *в забИрку*. Концы бревен в таком случае выступали за пределы стен сруба (отсюда *заугОлок* – выступающие края бревен) и не давали зимой углам промерзнуть. Однако и другие способы кладки бревен были распространены на рассматриваемой территории: *охрЯнка*, *в охрЯнку* (ср.: пск. в охряпку «в обнимку, обнявшись») [Мокиенко, Никитина, 2007, с. 473]).

К закладке фундамента подходили основательно, поскольку он «учитывал местные особенности: наличие мерзлоты, близость и наличие камня, уровень вод, характер грунта и пр.» [Андюсев]. Лексические единицы, связанные с закладкой фундамента: *оклад*, *окладка*, *окладник* («класть вокруг чего» (Даль, 1881, т. 2, с. 606), *опЕчек* – фундамент под печь, где префикс *о-* указывает на способ кладки вокруг, *подмУрок* (от муровать «южн., зап. (мур, стена, нем. Mauer) – строить из камня, класть камень» (Даль, 1881, т. 2, с. 367)), *стул* (опорная балка метафорически связывается с предметом быта). Из крепких пород дерева закладывали основание, на что указывают такие лексемы, как: *испОдь* (указание на нижнее расположение) – *основа для дома из бревен лиственницы (ССГ)*; *лЕжки* (от апеллятивной основы по действию) – *деревянные (чаще лиственничные) чурки, бревна, положенные в основание дома (СЦГ)*. Чтобы утеплить пол, его застилали досками (в отличие от Западной России): *накиднОй пол*, *намЕтный пол* (его словно *накидывали*, то есть не врезали в стены для сохранения тепла). Чтобы избежать потерь тепла, использовали *расколОтку* (от *колотить*) и *флИнтус* (фонетический диалектизм от *плинтус*).

Потолок также сооружался особым образом: *князЕк* (метафоричность именования) (бревно, прижимающее концы досок), *лАты* (ср.: «русск. латы мн. «панцирь из пластинок, нашитых на кожу» (Фасмер, 1986, т. 2, с. 464)) (обрешетка крыши), *мАтка2*, *мАтица*, *мАтница*, *матнЯ2*, *мЯкица* (от апеллята *мать*) (основная балка), *мурлаты* (искажение строительного термина *мауэрлат* – от нем. Mauer «стена») (бревна в основании крыши), *полевОе бревно*, *прогОн* (прибивается вдоль стропил), *в разбЕжку* (способ покрытия крыши – настил планок по ходу движения), *самЕц*, *сомЕц* (метафоричность именования) (бревна под крышей торцовой части), *сволОк* (от *сволакивать* «стянуть» (Даль, 1882, т. 4, с. 157)) (балка для настила потолка), *угловИк2* (от апеллята *угол*) (бревно перекрытия чердака), *череповАя мАтка*, *череповАй ряд* (метафоризация от *череп*) (потолочная балка

с пазами для досок), *череповОй* (бруски, к которым крепится покрытие крыши), *чИстый потолок* (ярусный потолок, на который набивается тес), *шар* (сравнение по форме – круглый) (часть потолка).

В говорах края встречается следующее именование крыши: *четырёхскАтка* (СЮГ), *по-амбАрному* (что значит *на два ската*, то есть просто) (СЦГ). Такая форма была распространена, поскольку способствовала сохранению тепла в доме [Андюсев].

Связь с внешним миром обеспечивалась с помощью окон и дверей: *набрОвник* (метафоризация от *бровь*) – *наличник, накладная планка по дверному или оконному проему* (ССГ); *обокОнки* – *ставни* (СЦГ); *окОльница* (ключевая сема – «около») – *внутренняя часть оконной коробки* (ССГ); *полустЕнок* – *1. промежуток между окнами, простенок* (ССГ); *ставешОк* – *место под ставнями* (ССГ).

В разных районах края жилище утепляли разными способами, но чаще всего это были земляные насыпи вокруг дома: *завАльницы, завАлочки, завАлинки* (буквально – «земля, которой завалено основание избы»). Существовали также и специальные способы утепления жилища, других построек, когда меж стен засыпались земля или опилки, такой дом называли *засыпУшкой* (СЦГ).

Территория Красноярского края находится в основном в таежной зоне, поэтому дома строили из лесного массива: *избА* – *небольшой деревянный крестьянский дом с русской печью* (СЦГ). Однако встречаются и именованья нехарактерных для данной местности строений: *глинЯнка* – *дом из глины, мазанка* (СЦГ) – это можно связать с привычкой переселенцев строить на своей родине жилища таким образом. Лексема *типочОк* (*дом, построенный в виде барака* (ССГ)) отражает специфику исторической застройки в 30-е гг. XX в.

Все вышеназванные лексемы, связанные с процессом строительства жилища, позволяют реконструировать подробно весь процесс: от фундамента и сруба до оконных наличников. Капитальное жилище строилось основательно, но порой возникала естественная необходимость в его обновлении: *перекатАть* – *разобрать и вновь собрать избу, баню и т.п., заменив старые бревна новыми* (СЦГ).

Лексемы, относящиеся к СП «*жилище*», вербализуют также *локативный* признак.

1. **На усадьбе:** *амбарУшка* – *небольшая хозяйственная постройка над подвалом* (СЦГ); *двОры* – *хозяйственные постройки на усадьбе* (СЮГ); *задвОрье* – *задняя часть двора* (ССГ); *надвОрье* – *место перед домом* (СЮГ); *огрАда* – *2. огороженный забором передний чистый двор при доме* (ССГ); *подвОрник1* – *помещение под домом, где держат кур* (СЦГ) и др.

Кроме основного значения, приведенные дериваты содержат дополнительные, которые реализуются в структуре лексем: дифференциальные корни *двор-* и *дом-* указывают на расположение объекта; *город-*, *град-*, *гон-* – на границы территории построек внутри двора; префикс *под-* реализует значение «крытая пристройка»; антонимичные префиксы *на-* и *за-*, *по-* устанавливают направление «перед домом» – «за, позади дома». Некоторые из названных лексем указы-

вают на особое предназначение строений: баня, для скота, для хранения сена, кладовая, огород, палисадник и т.п. Четко видно разделение всего подворья на особые функциональные зоны: «чистый» двор, помещения для скота, загоны, огород, хранилища и т.п. В лексике говоров края встречается лексема *домАшность*, которая включает именование всех надворных построек. Этому можно найти подтверждение в древнейших текстах, где довольно часто смешивались понятия «дом» и «двор», так как двор, имея ограду, вмещал дом; затем «слово *дворь* стало обозначать ограду, забор, защищавший все постройки вокруг жилого дома» [Колесов, 1986, с. 199–200].

2. В доме:

– *гОрница* – чистая половина крестьянской избы (СЦГ); *избА* – 2. комната с русской печью в доме (СЦГ); *избА* – 2. первая комната в доме или кухня (СЮГ); *кУфня, кУфенка* – кухня (СЦГ);

– *амбАрник* – кладовка в жилом доме, где хранятся продукты (СЦГ); *казЕнка* – 1. кладовая, чулан 2. то же, что *забОрка* 3. кухня (СЦГ); *пУнька* – 2. кладовка, чулан (СЦГ);

– *бОжий Угол* – угол в доме, где висят или стоят иконы (СЦГ); *лаВица* – скамья, лавка в углу комнаты, где находятся иконы (СЦГ); *набожнИчка* – место в углу, где стоят иконы (СЮГ); *подсвятнОй угол, подсвяТы* – передний угол в комнате, в котором помещались иконы (СЦГ);

– *дуплЕ, дуплЕва, дуПля* – погреб для хранения продуктов (СЦГ); *заГреб* – погреб (СЦГ); *западнЯ* – 1. крышка подполья или погреба 2. дверка на чердак (СЮГ, СЦГ – в 1 знач.); *зимовьЕ* – 3. подвальное помещение (СЦГ); *погребИца* – вход в погреб (СЮГ);

– *верховИна, вьИшка* – чердак (СЦГ); *повЕтка* – чердак (СЦГ);

– *вокнО, восхОд* – окно (СЦГ); *окОнница* – подоконник (СЦГ); *подокОнница, подУшка* – подоконник (СЮГ);

– *грУба* – род печи без плиты (СЦГ); *загнЕт, загнЕта, загнЕтка* – место в русской печи, куда сгребают угли (СЮГ); *кутЕлька, кутнОй угол* – часть кухни возле печи, где стряпают (СЮГ); *под* – место около печки, куда обычно складывали дрова (СЦГ); *подпЕчка* – пространство под печкой (СЦГ); *стрЯповая, стрЯпошная, стрЯпча* – часть избы, где готовят пищу, кухня (СЦГ); *целО, сАло, цевлО* – 1. наружное отверстие русской печи (СЦГ) и др.

В данной группе лексических единиц можно выделить следующие тематические дериваты: *комнаты, кладовка, кухня, окно, печь, подвал, угол с иконами, чердак*. В семантике морфем и ключевых семах лексем заключены различные сведения: *горница* – «производное от др.-русс. горньнъ “верхний” от горá» (Фасмер, 1986, т. 1, с. 442); *избА* (во 2 знач.; по аналогии с наименованием всего жилища) – так именовали главную комнату в доме с печью; корень *свет-* указывает на один из главных признаков парадной комнаты в доме; *амбар-, пун-* – по аналогии с хозяйственными постройками на дворе, предназначенными для хранения чего-либо; корни *кос-* и *кут-* именуют угловые объекты; *бож-, свят- / свет*

/ *цвет-* указывают на связь с христианскими верованиями; *греб-* содержит ключевую сему «выкопанный», а добавление к корню префиксов *за-* и *по-* указывает на его низменную локализацию в пространстве; префикс *под-* актуализирует значение «расположенный, находящийся в непосредственной близости от чего-либо»; в корне *дул-* воплощается сема «полый, пустой»; *голб-* актуализирует сему «под полом» (Фасмер, 1986, т. 1, с. 427); *верх-, выш-* указывают на вертикальное расположение в пространстве; *восхОд* как именование окна связывается с солнцем, которое, восходя, проникает через него; *гнет-* связывается «с цслав. гнѣтити “зажигать”» (Фасмер, 1986, т. 1, с. 421); *зАдорога, шкатУлка, переУлок, челО / целО* (и фонетические варианты), *приплЕчик, абажУр, кОмель каптУр* метафорично связываются с доской, пролегающей у печи, местом хранения, улицей, частями человеческого тела, колпаком для лампы, частью растения, головным убором (соответственно); корневая сема *камен-* указывает на материал изготовления; *груб-* (фонетический вариант *губ-*) связывается с немецким Grube «яма»; префиксы *за-* / *зу-* обозначают «нахождение по ту сторону или за пределами того, что названо исходным словом»; корень *стряп-* актуализирует ключевую сему «приготовление пищи» [Тимченко, 2016].

Следует отметить отражение синкретизма верований при характеристике внутреннего пространства жилища: языческое начало (*печь, огонь*) соединяется с христианским (*красный, святой угол*).

3. В удалении от дома (освоенное пространство): *зАдняя улица* – улица, далекая от центра деревни (СЮГ); *займка* – промысловая хозяйственная постройка за пределами основного селения (ССГ); *займка* – 3. край деревни 4. хутор 6. участок земли, занятый под пашню, пастбище, покос (ср.: *занаймка*) (СЦГ); *поскОтина* – 5. окраина села, околица (СЦГ) и др.

Лексические единицы в данной группе вербализуют следующее: префикс *за-* указывает нахождение по ту сторону чего-либо или за пределами чего-либо; префикс *по-* реализует значение пространства вблизи или вдоль чего-либо; *вУлка, Улка, улица* указывают на структурную единицу поселения, начинающуюся за пределами частного дома; корневая сема *скот-* отсылает к месту выпаса, который обычно находился за пределами поселений; апеллатив *край* непосредственно означает границу освоенной человеком территории.

В отдельную группу следует выделить лексемы, называющие постройки по *функции*:

1) **для жилья** (актуализируются различные семы, которые были рассмотрены ранее; экспрессивные суффиксы добавляют оттеночность): *гуль* (эвенк.) – дом, жилище (ССГ); *избЕнчишка, избушОнка* – уничиж. к изба (СЦГ); *фатЕра* – дом, квартира (СЮГ, СЦГ); *хватЕра* – квартира (СЦГ) и др.;

2) **для сходок** (чаще встречаются названия мест для молодежи): *кЕлья* – место сборища молодежи по вечерам (СЮГ); *коптЕлка* – дом, откупленный для проведения молодежных вечеринок (СЦГ); *пузырЕк* – дом, откупленный для проведения молодежных вечеринок (СЦГ);

3) для хозяйственных нужд (приготовление пищи, хранение предметов быта и сельскохозяйственных запасов, выпас, универсальное назначение): *вАжня* – большой амбар, имеющий над собой сеновал (СЦГ); *дровник*, *ровяник* – сарай для хранения дров (ССГ); *дровничок* – сарай (СЮГ); *казенка* – помещение для хранения съестных припасов и предметов домашнего обихода (СЮГ); *лопотный амбар* – амбар для хранения одежды (ССГ); *рига*, *ригача* – хозяйственная постройка универсального назначения (СЦГ) и др.;

4) для животных (домашних и дворовых): *аклев Ушка* – помещение для домашних животных, птицы (СЮГ); *завозня 1* – 2. помещение для скота (ССГ); *избашка* – собачья конура (СЮГ, СЦГ); *клев* – хлев (ССГ); *клуня* – 3. хлев для свиней (СЮГ); *котух 1* – 1. помещение для мелкого домашнего скота 2. курятник 3. собачья конура (СЦГ); *охлев Ушка* – хозяйственная постройка для мелких животных и птиц (СЦГ) и др.

В лексике говоров встречается также и отдельное именование дома вместе с надворными постройками (*помЕстье* (ССГ, СЮГ), *постройка* (СЦГ)), поскольку сельские жители в своем сознании объединяли жизнь в доме, семье и свою трудовую жизнь, не разделяя их.

Сени как особая часть жилища осуществляют переход от дома к не-дому (неосвоенному пространству, чужому), потому в говорах края встречаем следующее именование сеней: *мост* – помещение между жилой частью избы и крыльцом, сени (ССГ); *мост* – 3. сени (СЦГ). Сени ассоциируют в говорах с мостом как способом перехода в другой мир, отличный от обжитого. Как известно, порог выступал у славян в качестве границы «между домом и не-домом» [Иванов, Топоров, 1965, с. 169]. Отгороженное забором (имеющее границы) пространство и примыкающее к дому является двором, который считается частью жилища (поскольку составляет с ним одно целое и отграничен от «чужого» мира). Однако Вяч. Вс. Ивановым и В.Н. Топоровым был рассмотрен вариант противопоставленности двора дому, так как «дом как жилище человека отличен от двора (и хозяйственных построек) как места, где сосредоточен скот (т.е. животные, вырванные человеком из лесного царства) [Иванов, Топоров, 1965, с. 169].

Некоторые апеллятивы реализуют признак *соотношение частей жилища*, в котором актуализируется следующая информация:

1) количество комнат: *дом пятистЕнный* – дом, состоящий из двух комнат (СЮГ); *изба* – 1. жилой дом, состоящий из одной комнаты (СЮГ); *крестовый* – дом из четырех комнат с внутренними капитальными стенами (СЮГ); *круглая изба* – изба в одну комнату, в которой кладовая и сени пристроены (СЮГ);

2) количество хозяев: *восьмиугловОй* (дом) – дом из крутого бревна, обычно на двух хозяев, с двускатной крышей (СЮГ); *полудвОрица* – половина усадьбы (на одной усадьбе два хозяина когда, вот у каждого будет полудворица) (СЮГ).

Качественные характеристики выражены апеллятивами, в значениях которых актуализируются семы:

1) **маленькое, небольшое** (на этот признак указывают уменьшительно-ласкательные суффиксы): **амбАрник²** – *небольшой сарай, имеющий вид амбара, рубленый (СЮГ)*; **амбарУшка** – *хозяйственная постройка небольших размеров (СЦГ, СЮГ)*; **балОк** – *небольшой деревянный домик с односкатной крышей (СЦГ)*; **зимОвка, зимОвьюшка** – *маленький домик для скота (СЮГ)*; **избУшка** – 2. *небольшое помещение летнего типа, служащее для хозяйственных надобностей; времянка (СЮГ)*; **погребУшка** – 1. *небольшой погреб (СЮГ)*; **светИлка** – *небольшой выем в печке, имеющий выход в трубу (СЮГ)*; **станОк** – 3. *небольшой домик без окон, с дымовым отверстием в потолке (ССГ)*; **флигер** – *маленькая летняя кухня во дворе (СЮГ)*;

2) **большое / просторное / свободное** (на этот признак указывают суффиксы с соответствующим значением): **лАпина** – *большая часть огорода (СЮГ)*; **избУшка** – 1. *просторное помещение для домашних животных (СЮГ)*; **подпЕчник, подпЕчь, подпЕчье, подиестОк** – *свободное место под печью (СЮГ)*; **хорОмина** – *большой дом (СЮГ)*; **маханИна²** – *большой дом (СЦГ)*; **махЕня** – *большой дом, коттедж (СЦГ)*;

3) **теплое / холодное (зимнее)** (признак реализуется в семантике отдельных морфем и в семантике самих лексем): **зимовьЕ** – *временное зимнее жилище (СЮГ)*; **кутЫш** – *утепленная пристройка к хлеву для домашней птицы (ССГ)*; **стАйка, стаЕшка** – *теплое помещение для скота (СЮГ)*; **пристЕнок** – *холодная пристройка к дому (СЮГ)*; **пУня** – 2. *холодное помещение для скота (СЦГ)*; **теплУшка** – 2. *небольшое утепленное помещение во дворе дома (СЦГ)*; **теплЯк** – *теплое помещение, землянка для зимнего хранения пчел в ульях (СЮГ)*; **хлевУшка** – *утепленное помещение для скота (СЮГ)*;

4) **светлое (святое) / темное** (признак реализуется в семантике морфем): **баня (по-белому, по-черному)** (СЮГ); **подсвятнОй угол, подсвяТы** – *передний угол в комнате, в котором помещались иконы (ССГ)*; **светЕлка** – *светлая большая парадная комната в доме (СЦГ)*; **святОй угол** – *передний угол в доме, где висели иконы (СЦГ, СЮГ)*;

5) **низкое** (признак реализуется в семантике морфем): **махУтка** – *небольшая низкая постройка, сторожка (СЦГ)*; **нИзменный** – *очень низкий или построенный на низком месте (о доме) (СЮГ)* [Тимченко, 2016].

Таким образом, значительное количество апеллятивов, именующих жилые и нежилые постройки и их части, входящих в СП «жилище», демонстрируют тематическую многогранность. Выделены следующие признаки, актуализирующиеся в лексемах СП «жилище»: темпоральность, особенности процесса строительства, локативный признак, функция, соотношение частей жилища, качественные характеристики. Обширная тематическая семантика свидетельствует о подробно разработанной структуре СП «жилище» в диалектной системе Красноярского края. Диалектные лексические единицы вербализуют региональные особенности образа жизни диалектоносителей, в том числе опыт строительства и традиции постройки.

Список словарей

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2: И – О. Спб.; М.: Изд. Тип. М.О. Вольфа, 1881. 814 с.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4: Р – V. Спб.; М.: Изд. Тип. М.О. Вольфа, 1882. 712 с.
3. Словарь русских говоров северных районов Красноярского края. Красноярск: Изд-во КГПИ, 1992. 348 с.
4. Словарь русских говоров центральных районов Красноярского края: в 5 т. Красноярск: РИО КГПУ, 2003–2011.
5. Словарь русских говоров южных районов Красноярского края. 2-е изд., перераб. и доп. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1988. 488 с.
6. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т.: пер. с нем. 2-е изд., стереотип. М.: Прогресс, 1986. Т. 1.
7. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т.: пер. с нем. 2-е изд., стереотип. М.: Прогресс, 1986. Т. 2.
8. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т.: пер. с нем. 2-е изд., стереотип. М.: Прогресс, 1987. Т. 3.
9. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т.: пер. с нем. 2-е изд., стереотип. М.: Прогресс, 1987. Т. 4.

Библиографический список

1. Андреев В.К. Названия построек и их частей в псковских говорах (номинативный аспект): дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1993. 200 с.
2. Андюсев Б.Е. Мир старожилов Сибири [Электронный ресурс]. URL: <http://andjusev.narod.ru/index2.htm> (дата обращения: 11.10.2015).
3. Аникин А.Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. М.; Новосибирск: Наука, 2000. 768 с.
4. Баженова Т.Е. Наименование построек в пределах традиционного комплекса крестьянского дома в Самарских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (материалы и исследования). СПб.: Наука, 2011. С. 396-404.
5. Гольдин В.Е. К вопросу о структурно-семантических различиях в диалектной лексике (на материале названий построек и их частей в русских говорах): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1967.
6. Дерягин В.Я. Об употреблении диалектных слов в памятниках местной деловой письменности (слова деревня, починок, подворье, двор в важных актах XVII века) // Диалектная лексика. Л.: Наука, 1971.
7. Забродкина Е.А. Семантическое поле концепта «дом» в русских народных говорах // Личность. Культура. Общество. 2007. Т. 9, вып. 4 (39). С. 341–347.
8. Иванов Вяч. В., Топоров В.Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М., 1965.
9. Ким Джун Сок. Проблема Дома в советском обществе: социология психологии в произведениях Михаила Булгакова // Сибирский филологический форум: научное периодическое электронное сетевое издание. 2018. № 4. С. 37–49. URL: www.sibfil.ru (дата обращения 10.01.2019).
10. Колесов В.В. Мир человека в слове Древней Руси. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1986. 312 с.
11. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. М: Олма Медиа Групп, 2007. 784 с.

12. Мораховская О.Н. К формированию группы названий жилых построек в русском языке // Общеславянский лингвистический атлас: материалы и исследования. М.: Наука, 1980.
13. Мораховская О.Н. Критерии сопоставимости ЛСГ слов в диалектном языке // Общеславянский лингвистический атлас: материалы и исследования. М.: Наука, 1975.
14. Мочалова Т.И., Маслова А.Ю. Фразеокomпоненты «строения, предметы быта» как отражение диалектной картины мира в русских говорах Республики Мордовия // Лексический атлас русских народных говоров: материалы и исследования. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 407–411.
15. Руделев В.Г. Лексика жилища и жилищно-хозяйственного строительства в некоторых южнорусских рязанских говорах: дис. ... д-ра филол. наук. Оренбург, 1958. 425 с.
16. Тимченко А.Г. Вербализация семиотических оппозиций в русских говорах Красноярского края: дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2016.
17. Чернетских Т.И. Лексико-семантическая группа «жилище» как репрезентант фрагмента региональной картины мира: на материале словаря русских говоров Алтая: дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2000. 179 с.
18. Шубина Н.Г. Наименования жилых и хозяйственных построек в говоре села городище Старооскольского района Белгородской области: дис. ... канд. филол. наук. Елец, 2004. 257 с.

Сведения об авторе

Тимченко Анастасия Георгиевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: ooo.otdohkni@gmail.com

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2019-5-1-03>

SEMANTIC FIELD OF «HOUSE» IN THE RUSSIAN DIALECTS OF THE KRASNOYARSK TERRITORY (LINGUOCULTURAL ASPECT)

A.G. Timchenko (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Dialects store value-cultural information, lexical dialect units verbalize the spiritual and material culture of people. Consequently, dialects are productive material for identifying the national and cultural specifics of people. Home has always been the center of material and spiritual culture. Each building, each of its details had a certain value.

The purpose of the work is to identify and describe the lexical units that make up a fragment of the dialectal language picture of the world, id est, "the names of buildings and their parts" that are part of the semantic field of "home" in the Russian dialects of the Krasnoyarsk Territory in linguistic and cultural terms.

Names of regional structures and their parts have been the subject of research by specialists in the field of dialectology, lexicology, and cultural studies since the middle of the 20th century, interest in this topic has not disappeared in the 21st century either.

Methodology (materials and methods). The main method of analysis was the descriptive method, including matching and logical classification of selected units, and the methods of contextual and component analysis of lexemes were also used. The material for the observations was the lexical units of the Russian dialects of the Krasnoyarsk Territory (the names of the buildings and their parts), extracted by a continuous sampling from the dictionaries of the Russian dialects of the northern, central and southern regions of the Krasnoyarsk Territory.

As a result of the research, it was revealed that a significant number of lexical units that refer to buildings and their parts that are included in the "home" semantic field demonstrate a very high degree of disjointedness of the studied thematic space. This indicates a clearly developed structure of the semantic field "home" in the dialect system of the Krasnoyarsk Territory. The most characteristic signs that are actualized in the lexemes of the semantic field "home" are: temporality, features of the construction process, a locative attribute, function, the ratio of parts of the home, quality characteristics.

Key words: *dialects, semantic field, house, linguo-cultural aspect, dialect- language picture of the world, national-cultural specificity.*

Spisok slovari

1. Dal' V.I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorussskogo yazyka. T. 2: I – O. SPb.; M.: Izd. Tip. M.O. Vol'fa, 1881. 814 s.
2. Dal' V.I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorussskogo yazyka. T. 4: R – V. SPb.; M.: Izd. Tip. M.O. Vol'fa, 1882. 712 s.
3. Slovar' russkih govorov severnyh rajonov Krasnoyarskogo kraja. Krasnoyarsk: izd-vo KGPI, 1992. 348 s.
4. Slovar' russkih govorov central'nyh rajonov Krasnoyarskogo kraja: v 5 t. Krasnoyarsk: RIO KGPU, 2003–2011.
5. Slovar' russkih govorov yuzhnyh rajonov Krasnoyarskogo kraja. 2-e izd., pererab. i dop. Krasnoyarsk: izd-vo Krasnoyar. un-ta, 1988. 488 s.
6. Fasmer M. Ehtimologicheskij slovar' russkogo yazyka: v 4 t.: per. s nem. 2-e izd., stereotip. M.: Progress, 1986. T. 1.
7. Fasmer M. Ehtimologicheskij slovar' russkogo yazyka: v 4 t.: per. s nem. 2-e izd., stereotip. M.: Progress, 1986. T. 2.

8. Fasmer M. Ehtimologicheskij slovar' russkogo yazyka: v 4 t.: per. s nem. 2-e izd., stereotip. M.: Progress, 1987. T. 3.
9. Fasmer M. Ehtimologicheskij slovar' russkogo yazyka: v 4 t.: per. s nem. 2-e izd., stereotip. M.: Progress, 1987. T. 4.

Bibliograficheskij spisok

1. Andreev V.K. Nazvaniya postroek i ih chastej v pskovskih govorah (nominativnyj aspekt): dis. kand. filol. nauk. SPb., 1993. 200 s.
2. Andyusev B.E. Mir starozhilov Sibiri [Elektronnyj resurs]. URL: <http://andjusev.narod.ru/index2.htm> (data obrashcheniya: 11.10.2015).
3. Anikin A.E. Ehtimologicheskij slovar' russkih dialektov Sibiri: Zaimstvovaniya iz ural'skih, al-tajskih i paleoaziatskih yazykov. M.; Novosibirsk: Nauka, 2000. 768 s.
4. Bazhenova T.E. Naimenovanie postroek v predelakh tradicionnogo kompleksa krest'yanskogo doma v Samarskih govorah // Leksicheskij atlas russkih narodnyh govorov (materialy i issledovaniya). SPb.: Nauka, 2011. S. 396–404.
5. Gol'din V.E. K voprosu o strukturno-semanticheskikh razlichiyah v dialektnoj leksike na materiale nazvanij postroek i ih chastej v russkih govorah: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Saratov, 1967.
6. Deryagin V.YA. Ob upotreblenii dialektnyh slov v pamyatnikah mestnoj delovoj pis'mennosti (slova derevnya, pochinok, podvor'e, dvor v vazhskih aktah XVII veka) // Dialektnaya leksika. L.: Nauka, 1971.
7. Zabrodkina E.A. Semanticheskoe pole koncepta «dom» v russkih narodnyh govorah // Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo. 2007. T. 9, vyp. 4 (39). S. 341–347.
8. Ivanov, Vyach. V., Toporov V.N. Slavyanskije yazykovye modeliruyushchie semioticheskie sistemy. M., 1965.
9. Kim Joon Seok «HOME-LIFE» in soviet society: social psychology in the works by MIKHAIL BULGAKOV // SIBERIAN PHILOLOGICAL FORUM. 2018. № 4. S. 37–49. URL: www.sibfil.ru
10. Kolesov V.V. Mir cheloveka v slove Drevnej Rusi. L.: Izd-vo Leningradskogo un-ta, 1986. 312 s.
11. Mokienko V.M., Nikitina T.G. Bol'shoj slovar' russkih pogovorok. M: Olma Media Grupp, 2007. 784 s.
12. Morahovskaya O.N. K formirovaniyu gruppy nazvanij zhilyh postroek v russkom yazyke // Obshcheslavyanskij lingvisticheskij atlas: materialy i issledovaniya. M.: Nauka, 1980.
13. Morahovskaya O.N. Kriterii sopostavimosti LSG slov v dialektnom yazyke // Obshcheslavyanskij lingvisticheskij atlas: materialy i issledovaniya. M.: Nauka, 1975.
14. Mochalova T.I., Maslova A.YU. Frazekomponenty «stroeniya, predmety byta» kak otrazhenie dialektnoj kartiny mira v russkih govorah Respubliki Mordoviya // Leksicheskij atlas russkih narodnyh govorov (materialy i issledovaniya). SPb.: Nestor-Istoriya, 2013. S. 407–411.
15. Rudelev V.G. Leksika zhilishcha i zhilishchno-hozyajstvennogo stroitel'stva v nekotoryh yuzh-norusskih ryazanskih govorah: dis. ... d-ra filol. nauk. Orenburg, 1958. 425 s.
16. Timchenko A.G. Verbalizaciya semioticheskikh oppozicij v russkih govorah Krasnoyarskogo kraja: dis. ... kand. filol. nauk. Krasnoyarsk, 2016.
17. Chernetskih T.I. Leksiko-semanticheskaya gruppya «zhilishche» kak reprezentant fragmenta regional'noj kartiny mira: na materiale slovarya russkih govorov Altaya: dis. ... kand. filol. nauk. Barnaul, 2000. 179 s.
18. Shubina N.G. Naimenovaniya zhilyh i hozyajstvennyh postroek v govore sela gorodishche Starooskol'skogo rajona Belgorodskoj oblasti: dis. ... kand. filol. nauk. Elec, 2004. 257 s.

About the author

Timchenko Anastasiya Georgievna – Candidate of Philology, associate professor of the Department of General Linguistics, Krasnoyarsk state pedagogical University named after V.P. Astafieva; e-mail: ooo.otdohkni@gmail.com

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2019-5-1-04>

УДК 81«22

СТЕРЕОТИПНЫЙ ОБРАЗ ХЛЕБА КАК ПИЩЕВОГО ПРОДУКТА ИЗ МУКИ В ВИДЕ ИЗДЕЛИЯ ОПРЕДЕЛЕННОЙ ФОРМЫ

Е.В. Устьянцева (Красноярск, Россия)

Аннотация

Статья посвящена лингвокультурологическому описанию стереотипного образа хлеба как пищевого продукта из муки в виде изделия определенной формы, в связи с чем рассматривается вопрос о возможности обозначения одного из лексико-семантических вариантов слова «хлеб» как самостоятельного стереотипного образа, существующего в сознании и обусловленного национально-культурной спецификой представления о данном образе. На основе методики составления словарной статьи, предложенной В.В. Красных для описания фрагментов русского культурного пространства, выявляется специфическое в восприятии отдельного значения слова «хлеб»; находят отражение факты из культуры, жизнедеятельности русского народа, ставшие причиной тех или иных стереотипных представлений о хлебе.

Ключевые слова: *стереотипный образ, лексико-семантический вариант, лексическое значение слова, традиции русского народа, паремиологический фонд языка, хлеб.*

Постановка проблемы. Антропоцентрический подход в лингвистике определил актуальность исследования проблемы стереотипных образов, свойственных национальному языковому сознанию. Стереотипы, являющиеся важной частью лингвокультуры, активно изучаются в рамках лингвокультурологии, которая рассматривает язык как выразитель особой национальной ментальности.

С точки зрения лингвистики стереотип – некоторая структура ментально-лингвального комплекса, формируемая инвариантной совокупностью валентных связей, приписываемых данной единице и репрезентирующих образ-представление феномена, стоящего за данной единицей, в его [образа-представления] национально-культурной маркированности при определенной предсказуемости направленных ассоциативных связей (векторов ассоциаций) [Красных, 2003].

Автор статьи, опираясь на взгляды отечественных ученых [Стернин, Розенфельд, 2008], придерживается мнения о том, что образование стереотипа возможно на базе образной и оценочной составляющей концепта, выполняющей кодирующую функцию, при условии обобщения преобладающих в определенном социуме образов, отмеченных культурологическими особенностями. Учитывая, что в разных значениях многозначного слова содержатся разные чувственные образы, которые принадлежат к номинативным полям разных концептов, считаем, что каждый лексико-семантический вариант может являться (или не являться)

вербализованной оболочкой отдельного стереотипного образа при условии возможности стереотипизации определенного концепта в принципе.

Одним из центральных стереотипных образов в русском национальном сознании является образ хлеба. Хлеб – один из главных продуктов в жизни русского человека. Во все времена он осознавался как самая необходимая пища, основа самой жизни, божий дар. С хлебом в сознании русских людей связаны основные этапы жизни. Как символ гостеприимства, достатка, богатства хлеб, как и сотни лет назад, участвует во многих обрядах и праздниках.

Слово «хлеб» многозначное. Лингвокультурологическое описание некоторых лексико-семантических вариантов слова «хлеб», являющихся обозначением самостоятельных стереотипных образов, были представлены автором ранее в научных статьях [Устьянцева, 2014; 2015].

Цель данной статьи – лингвокультурологическое описание стереотипного образа «хлеб» как пищевого продукта из муки в виде изделия определенной формы.

В Библии хлеб – это самый упоминаемый продукт. Он не только является постоянным продуктом на столе, но и присутствует во многих ключевых моментах священной истории. Поэтому можно говорить о священном значении хлеба («...И поспешил Авраам в шатер к Сарре и сказал [ей]: поскорее замеси три саты лучшей муки и сделай пресные хлебы...» (Быт. 18:5)).

В фольклоре хлеб – самый главный продукт питания. В некоторых произведениях устного народного творчества образ хлеба является ключевым («Колобок»).

С образом хлеба как пищевого продукта из муки в виде изделия определенной формы связано множество удивительных примет и поверий. В стародавние времена они были неотъемлемой частью жизни наших предков, которые, не обладая достаточным количеством научных знаний, пытались при помощи примет объяснить различные явления жизни методом наблюдения.

«Все существующие приметы можно условно подразделить на три большие категории: приметы мистические, имеющие языческое происхождение, а также бытовые и религиозные поверья. ...Мистические приметы подразумевают вмешательство в жизнь человека потусторонних сил и имеют предостерегающее значение. Бытовые поверья напоминают нам об элементарной предосторожности, предупреждают об опасности» [Большая книга примет, 2007].

Из приведенных нами примет и поверий, связанных с образом хлеба как пищевого продукта из муки в виде изделия определенной формы, большую часть составляют приметы бытовые. Предлагаем их классификацию по идеографическому принципу.

Хлеб как символ семейного очага представлен в следующих бытовых поверьях.

– Хлеб в печи раздвоился – к отъезду кого-то из домочадцев.

Имеется в виду отслоение части каравая от целого. Хлеб – символ единства семьи: о том, как оказался вне семьи, говорят: «отрезанный ломоть». А по ассоциации «раздвоение каравая – раздвоение семьи» делают предположение, что кто-то может уехать.

– Плохая примета, если хлеб лежит нижней коркой вверх: в доме никогда не будет достатка, или кто-нибудь из семейных отвернется, отделится от дома.

О бережном, уважительном отношении к хлебу говорится в следующих поверьях.

– Отрезав ломоть хлеба, не втыкай нож в каравай, – это к голоду.

Примета отражает особое отношение к хлебу. Исследователь народного творчества А.Л. Топорков отмечает еще ряд примет: «Не разрешалось, чтоб один человек доедал хлеб за другим: заберешь его счастье, силу. Нельзя есть за спиной другого человека – тоже съешь его силу. Давшего во время еды хлеб со стола собакам, ожидает бедность» и т.д. А воткнутый в хлеб без дела нож – это кощунство. Хлеб может обидеться и лишит дом своего покровительства.

– Не убирай в дому, когда хлеб в печи, – достатка не будет.

Во время выпечки хлеба запрещалось и выходить из дому, и даже шуметь. Все это связано с тем, что к хлебу относились как к живому существу. Выйдешь из дому – хлеб обидится, что его оставили в одиночестве. А шум может его испугать. Что же касается уборки, то это просто оскорбление хлеба!

На бытовом уровне поверье толкуется как полезное и рациональное: не надо делать несколько дел сразу – ни одно не удастся. Тем более такое сложное, как выпечка хлеба, требующая постоянного присутствия хозяйки у печи.

– Каравай хлеба начинай резать с головы (с края, который несколько повыдался).

– Нельзя резать хлеб, поставив его на голову.

Существуют приметы и поверья, в которых проявляется не отношение человека к хлебу, а **отношение хлеба к человеку**.

– Хлеб не выпекается, сырым остается – к разлуке или к разорению.

Считалось, что при выпечке каравай души умерших питаются запахом, который при этом исходит (то есть духовной субстанцией пищи). Хлеб не выпекается – значит, души предков не нуждаются в кормлении, покинули печь и дом. А тогда уж жди любой беды.

Существуют поверья, в которых образ хлеба связывают **с будущим урожаем**.

– Если мыши нагрызут хлеб (печеный) сверху, дорог будет; снизу – дешево, а сбоку – средняя цена.

Нашими предками было подмечено, что если мыши грызут хлеб сверху, то в следующем году урожай будет плохим, а значит, и стоить хлеб будет дорого, поскольку его будет мало.

В некоторых поверьях говорится о важных человеческих качествах, например, таких как доброта и отзывчивость, которые всегда вознаграждаются:

– Как бы мало не было в доме печеного хлеба, но если сосед попросит одолжить его, не следует ему отказывать, нужно поделиться с ним, хотя бы и последним куском, – в таком случае хлеба в доме всегда будет много.

Хлеб как символ достатка выступает в следующих поверьях.

– Если кого встретят только что вынутым из печи хлебом – к богатству.

– Когда солнце закатилось, нового каравай хлеба не «починай» – нищета одолеет.

Существуют поверья, с помощью которых в семьях формировалась **культура поведения в быту**.

– Нельзя во время обеда резать хлеб разными ножами – непременно в доме произойдет ссора.

Особую тематическую категорию бытовых поверий составляет группа **«Хозяйкам на заметку»**, содержащая необходимую для молодой жены информацию:

– Коли белый хлеб печется с головою – к безголовью (т.е. коли сбоку вылезет ком).

– Сажая хлебы в печь, подымай подол, приговаривая: «Подымайся выше!»

– Как бы ни была бела хлебная мука, дававшая обычно красивые хлебы, но если из нее испечены хлебы вечером, то они будут черные внутри и подгорят снаружи.

– Нельзя резать хлеб поперек – укорачиваешь себе жизнь.

Это поверье используется в быту как устрашающее. На самом деле смысл поверья легко объясняется: если нарезать хлеб вдоль, то все кусочки будут одинаковы, с белым и черным краями, а если нарезать поперек, то одним достанутся кусочки с белыми краями, а другим – с черными.

Мистических примет и поверий, связанных с образом хлеба как пищевого продукта из муки в виде изделия определенной формы, гораздо меньше. Несмотря на «устрашающий» характер, все они призваны выполнять воспитательную функцию, а именно формировать с раннего детства бережное и уважительное отношение к хлебу, который доставался нашим предкам очень нелегко. Представим их.

– Нельзя сдирать с хлеба верхней корки, иначе ветер будет драть крыши.

– Хлеб вылезет из печи – к беде.

– Если кто-то умер, то в том доме нельзя печь хлеб: это приведет еще к одной смерти.

– Если вечером принесен целый хлеб и недоеденный оставлен на ночь, то к такому хлебу всю ночь будут собираться души умерших предков, принявшие образ мышей; если кошка поймает такую мышь, то всему дому предстоят неисчислимы бедствия за гибель предка.

В ходе исследования нами была найдена только одна примета **религиозного характера**, связанная с рассматриваемым образом.

– Нельзя печь хлеб в воскресные или праздничные дни, пироги же печь не считается грехом; но если необходимость заставит кого-нибудь печь хлеб в такой день, то нужно посолить тесто, и тогда не будет греха.

К отдельной категории мы отнесли **приметы и поверья народного земледельческого календаря**, т.к. земледельческие работы для любого русского человека являлись неотъемлемой частью его жизни.

6 мая. Егорьев (Юрьев) день. «Коли на Егория березовый лист с полушку, то к Успенью клади хлеб в кадушку». Каждый домохозяин приходил в поле со специально испеченным караваем (белым хлебом), который назывался «моленни-

ком». Первый кусок уделялся пастуху, а оставшимся хлебом кормили в этот день вернувшийся с поля скот (новгородская).

29 августа. Третий спас. Спас хлебный. Пекли первый каравай нового хлеба. Освещение в церкви нового хлеба.

24 февраля. Священномученик Власий. На Вологодчине Власьев день отмечался как большой праздник. Устраивалось многолюдное молебствие, во время которого освящались караваи ржаного хлеба, который затем скармливали скоту.

Рассмотренные приметы и поверья отражают бережное отношение наших предков к хлебу как изделию из муки определенной формы, поскольку во все времена хлеб считался самым главным продуктом питания, самой необходимой пищей; при этом доставался хлеб нелегко, люди прилагали невероятные усилия, чтобы собрать хороший урожай.

Стоит отметить, что в настоящее время отношение к хлебу изменилось, обесценилась работа людей, чьи профессии связаны с выращиванием и изготовлением хлеба. Но несмотря на это, современные русские обращаются к образу хлеба в рассматриваемом значении, например при характеристике **хозяйственного человека**, т.к. считается, что хорошая хозяйка умеет печь хлеб: *Под ее неусыпным надзором находилось все, что было связано с питанием семьи: соблюдение постов, выпечка хлеба и пирогов, стол праздничный и стол будничныи, забота о белье и ремонте одежды, тканье, баня и т.д.* (О крестьянских истоках национального бытия // Жизнь национальностей. 2002. НКРЯ).

В современном русском языке употребляется целый ряд паремий, связанных со словом «хлеб» в значении «пищевой продукт из муки в виде изделия определенной формы».

- Где лишняя навоза колышка, там лишняя **хлеба** коврижка.
- Жить домком – не ломать **хлеб** ломком (а резать ломтем).
- По закате солнца **хлебом** и деньгами не ссужают.
- Сажает в печь **хлебы**, как пышки, а вынимает, как крышки.
- Живет и печеное тесто за **хлеба** место.
- Из семи печей **хлебы** едал.

Выводы. Таким образом, предпринятая автором статьи попытка лингвокультурологического описания стереотипного образа слова «хлеб» показала, что значение «пищевой продукт из муки в виде изделия определенной формы» является обозначением самостоятельного стереотипного образа, закрепленного в сознании русскоговорящих.

С представленным стереотипным образом связано множество примет и поверий, большую часть из которых составляют приметы бытовые, носящие назидательный характер, воспитывающие бережное отношение к самому главному продукту питания русского народа.

В современном дискурсе русские используют паремии со словом «хлеб» в значении «изделие определенной формы», а также обращаются к данному стереотипному образу для характеристики хозяйственного человека.

Библиографический список

1. Большая книга примет / авт.-сост. Е.Л. Исаева, О.В. Белякова, А.Е. Кузнецова, Ю.М. Спасская. М.: Эксмо, 2007. 512 с.
2. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003. 375 с.
3. Стернин И.А., Розенфельд М.Я. Слово и образ: монография / под ред. И.А. Стернина. Воронеж: Истоки, 2008. 243 с.
4. Устьянцева Е.В. Лексикографическое описание стереотипного образа «хлеб» // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2014. № 3 (29). С. 203–205.
5. Устьянцева Е.В. Лексикографическое описание стереотипного образа «хлеб» в значении «зерно» // Современные проблемы социально-гуманитарных наук: сб. докл. II Международной научно-практической заочной конференции. Казань, 2015. С. 122–126.
6. Устьянцева Е.В. Стереотипный образ хлеба в значении «пищевой продукт» // Динамика языковых единиц в тексте и речи: матер. Международной научно-практической конференции. Красноярск. 2014. С. 194–201.
7. Устьянцева Е.В. Стереотипный образ «хлеб» в значении «растение, из зерна которого изготавливаются мука и крупа» // Язык и культура этноса: матер. Международной научно-практической конференции. Красноярск, 2015. С. 202–209.

Сведения об авторе

Устьянцева Елена Викторовна – старший преподаватель кафедры общего языкознания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: elena_ustianzeva@mail.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2019-5-1-04>

STEREOTYPICAL IMAGE OF BREAD AS FOOD PRODUCT MADE OF FLOUR AND REPRESENTED AS ITEM OF CERTAIN FORM

E.V. Ustyantseva (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

The article is devoted to the linguistic-culturological description of the stereotypical image of bread as a food product made of flour and represented as an item of a certain shape, in connection with which the question of the possibility of designating one of the lexical and semantic variants of the word “bread” is considered as an independent stereotypical visualization that exists in the mind and is determined by the national-cultural specifics of this image. On the basis of the methodology proposed by V.V. Krasnykh for compiling a dictionary article to describe the fragments of Russian cultural space the author revealed specific features in the perception of the meaning of the word “bread”; certain facts characteristic of Russian culture and life-activity of Russian people are reflected in this Russian word.

Key words: *stereotypical image, lexico-semantic variant, lexical meaning of word, traditions of Russian people, paremiological fund of language, bread.*

Bibliograficheskij spisok

1. Bol'shaya kniga primet / avt.-sost. E.L. Isaeva, O.V. Belyakova, A.E. Kuznecova, YU.M. Spasskaya. M.: EHKsmo, 2007. 512 s.
2. Krasnykh V.V. «Svoj» среди «chuzhih»: mif ili real'nost'? / V. V. Krasnykh. M.: Gnozis, 2003. 375 s.
3. Sternin I.A., Rozenfel'd M.Ya. Slovo i obraz: monografiya / pod red. I.A. Sternina. Voronezh: Istoki, 2008. 243 s.
4. Ust'yanceva E.V. Leksikograficheskoe opisanie stereotipnogo obraza «hleb» // Vestnik KGPU im. V.P. Astaf'eva. 2014. № 3 (29). S. 203–205.
5. Ust'yanceva E.V. Leksikograficheskoe opisanie stereotipnogo obraza «hleb» v znachenii «zerno» // Sovremennye problemy social'no-gumanitarnyh nauk: sb. Dokl. II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy zaochnoj konferencii. Kazan', 2015. S. 122–126.
6. Ust'yanceva E.V. Stereotipnyj obraz hleba v znachenii «pishchevoj produkt» // Dinamika yazykovyh edinic v tekste i rechi: materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Krasnoyarsk, 2014. S. 194–201.
7. Ust'yanceva E.V. Stereotipnyj obraz «hleb» v znachenii «rastenie, iz zerna kotorogo izgotavlivayutsya muka i krupa» // Yazyk i kul'tura ehtnosa: materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Krasnoyarsk, 2015. S. 202–209.

About the author

Ustyantseva Elena Viktorovna – Senior Lecturer, Department of General Linguistics, Krasnoyarsk state pedagogical University named after V.P. Astafieva; e-mail: elena_ustianzeva@mail.ru

УДК 82-31

ЭСХАТОЛОГИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В РОМАНЕ ДМИТРИЯ ГЛУХОВСКОГО «МЕТРО 2033»

В.В. Сазанов (Красноярск, Россия)

Аннотация

Статья посвящена исследованию романа Д.А. Глуховского «Метро 2033». Цель работы – выявление эсхатологических мотивов данного произведения. Методы исследования историко-литературный и мотивного анализа. В процессе анализа рассматриваются мировоззренческие предпосылки и обнаруживаются идеи конечности мира и смертности человечества, эсхатологические идеи реализации смысла истории, трансформации природы, мира и человека. Роман Дмитрия Глуховского является образцом современной прозы с эсхатологической проблематикой, выполняющим функцию социального прогнозирования.

Ключевые слова: Д.А. Глуховский, «Метро 2033», антиутопия, постапокалипсис, постапокалиптика, эсхатология, катастрофа.

Развитие в XX веке науки, различных технологий, атомного и ядерного оружия привело к тому, что угроза мировой войны приобрела по-настоящему эсхатологический смысл.

Представления о Конце света являются неременной частью любой культуры и уходят корнями в архаические культуры. Эсхатологические (от др.-греч. ἔσχατος – «конечный», «последний» + λόγος – «слово», «знание») мифы и легенды повествуют о фатальных катастрофах и природных катаклизмах, стирающих род человеческий с лица земли.

Эсхатологические представления присутствуют во многих мифах и верованиях, но Апокалипсис как особый жанр литературы восходит к иудейской и раннехристианской традиции, описывающей полученное тайновидцем, пророком откровение о событиях, символах, потустороннем мире, недоступном восприятию большинства обычных людей. Центральной идеей Апокалипсисов становится аллегорическое, образное изображение будущего и Конца света.

Понятие «Апокалипсис» (греч. ἀποκάλυψις – раскрытие (тайн), откровение; снятие покрыва) впервые было использовано в конце I в. Иоанном Богословом для обозначения специфического жанра откровения. Термин пришелся по вкусу аудитории и закрепился в названиях последующих апокалиптических сочинений. Тем не менее признаки жанра апокалипсиса относят к более ранним произведениям, а его возникновение связывают с иудейской литературной средой середины II в. до Рождества Христова.

Формы репрезентации этого представления многообразны: от эсхатологического мифа древнего народа или архаического предмета культа в витрине музея до новейшего киноблокбастера с морализаторским подтекстом, изображающего мир на пороге исчезновения. Расхожие разговорные формулы «апокалиптический

пейзаж», «апокалиптически» или «постапокалипсис» выражают идею финальности, запустения, отчаяния. Многие литературные тексты XX–XXI вв. повествуют об упадке семьи, страны, экзистенциальных кризисах героев, ощущении конца истории, заката цивилизации, «смерти автора», «смерти читателя», «смерти субъекта» и т.д. – даже если «апокалипсис» и не становится магистральной темой подобного рода произведений, то зловеще поступает в них меж строк, рождая тревожную атмосферу. «Русская литература XX века особенно переполнена апокалиптическими образами, явленными в прямых либо завуалированных аллюзиях, травестийных либо, весьма своеобразных интерпретациях фигур эсхатологического кода» [Косякова, 2018, с. 6].

В 90-е гг. углубился интерес к вопросам поэтики, среди которых важное место занимает проблема выделения и идентификации мотива как самостоятельной литературоведческой категории. Несмотря на активное изучение данного вопроса, устойчивых критериев в определении понятия «мотив» не существует. Однако в исследованиях последних лет актуализировался мотивный анализ художественного текста, что можно объяснить, прежде всего, тем, что мотив, являясь мельчайшей текстовой единицей, дает возможность непосредственного осмысления структуры и семантики художественного произведения. Отсюда в тексте мотив выступает в качестве материала, соединяющего, сцепляющего в единое целое его отдельные части.

Мотив может выступать не только в качестве соединяющего элемента на уровне отдельно взятого литературного произведения, но и соединять в единое целое несколько произведений, принадлежащих разным эпохам и различным культурным традициям. Поэтому, рассматривая определенный мотив, мы имеем возможность определить индивидуальный авторский подход в осмыслении какого-то конкретного мотива, а также в свете этого мотива – то, как взаимодействуют различные культуры и литературы.

И. Силантьев подробно прослеживает разные теории мотива в отечественном литературоведении, выделяет несколько подходов: семантический (А. Веселовский, А. Бем, О. Фрейденберг), морфологический (В. Пропп, Б. Ярхо), дихотомический (А. Бем, А. Белецкий, В. Пропп) и тематический (Б. Томашевский, В. Шкловский, А. Скафтымов). Последующее становление теории мотива И. Силантьев определяет как их углубление и развитие в интертекстуальном подходе Б. Гаспарова, А. Жолковского, Ю. Щеглова и коммуникативном В. Тюпы, Ю. Шатина.

В последние годы в литературоведении идет активный поиск нового теоретического синтеза в понимании мотива. На стыке семантической и тематической концепции развиваются два новых подхода – интертекстуальный, представленный работами Б.М. Гаспарова, А.К. Жолковского, Ю.К. Щеглова, и коммуникативный, или прагматический, представленный работами В.И. Тюпы и Ю.В. Шатина.

Мы будем придерживаться именно интертекстуального понимания мотива, то есть будем опираться на толкование мотива у Б.М. Гаспарова. Ученый рас-

сма­три­вал мо­тив в све­те прин­ци­па лейт­мо­тив­но­го по­ве­ст­во­ва­ния, имея в ви­ду «...та­кой прин­цип, при ко­то­ром не­ко­то­рый мо­тив, раз воз­ник­нув, по­вто­ря­ет­ся за­тем мно­же­ство раз, вы­сту­пая при э­том ка­ж­дый раз в но­вом ва­ри­ан­те, но­вых оче­р­та­ниях и во все но­вых со­че­та­ниях с дру­гими мо­ти­вами. При э­том в ро­ли мо­ти­ва мо­жет вы­сту­пать лю­бой фе­но­мен, лю­бое смыс­ло­вое “пятно” – со­бы­тие, чер­та ха­рак­те­ра, эле­мент ланд­ша­фта, лю­бой пред­мет, про­из­не­сен­ное сло­во, крас­ка, звук и тд». [Гас­па­ров, 1993, с. 28].

В оп­ре­де­ле­нии уче­но­го мо­жно вы­де­лить сле­ду­ю­щие мо­мен­ты: 1) мо­ти­вом мо­жет стать не толь­ко со­бы­тие, чер­та ха­рак­те­ра, но и лю­бой пред­мет, звук, эле­мент ланд­ша­фта; 2) мо­тив об­ла­да­ет по­вы­шен­ной се­ман­ти­че­ской зна­чи­мо­стью, это «смыс­ло­вое пятно» про­из­ве­де­ния; 3) при­зна­ком мо­ти­ва яв­ля­ет­ся его по­сто­ян­ная по­вто­ря­е­мость, ре­про­дук­ция в тек­сте; 4) се­ман­ти­че­ское на­пол­не­ние мо­ти­ва об­ус­ло­в­ле­но его вза­им­о­дей­ствиями с дру­гими мо­ти­вами про­из­ве­де­ния; 5) мо­тив в про­из­ве­де­нии мо­жет иметь мно­же­ство ва­ри­ан­тов.

Об угро­зе тре­тьей ми­ро­вой по­сто­ян­но пи­шут СМИ, об э­том су­ще­ствует ряд раз­лич­ных ис­сле­до­ва­ний уче­ных, по­ли­ти­ков, со­ци­оло­гов. Со­об­ща­ют­ся ме­ста на планете, ко­то­рые не ис­пы­та­ют на се­бе влия­ния гло­баль­ной вой­ны, но их очень мало, то есть по­гиб­нут прак­ти­че­ски все.

В свя­зи с ука­зан­ны­ми ре­али­ями и угро­зами в со­вре­мен­ной рус­ской ли­те­ра­туре, осо­бен­но жан­ро­вой, на­блю­да­ет­ся «бум»: оби­лие по­ста­по­ка­лип­ти­че­ских, ан­ти­уто­пиче­ских сю­же­тов. При­менитель­но к фан­та­сти­ке тер­мин «по­ста­по­ка­лип­тика» (post-apocalyptic) впер­вые ис­поль­зо­вал в 1978 г. аме­ри­кан­ский критик Алан Франк в жур­на­ле Sci – FiNow [Нев­ский, 2007]. Тер­мин «по­ста­по­ка­лип­сис», или по­ста­по­ка­лип­тика, – это жанр на­уч­ной фан­та­сти­ки, в ко­то­ром дей­ствия раз­ви­ва­ют­ся в ми­ре после ка­кой-ли­бо гло­баль­ной ка­та­стро­фы. Это мо­жет быть тре­тья ми­ро­вая вой­на с при­ме­не­нием то­таль­но­го (ядер­но­го, хи­ми­че­ского или био­ло­гиче­ского) ору­жия, втор­же­ние ино­планетян, вос­ста­ние машин под пред­во­ди­тель­ством ис­кус­ствен­но­го разума (ро­бо­тов), пан­де­мия, па­де­ние асте­роида, по­яв­ле­ние до­ис­то­ри­че­ских чудовищ, кли­ма­ти­че­ская или иные ка­та­стро­фы [Смир­нов, 2013].

И.В. Жел­ти­кова и Д.В. Гу­сев – ав­то­ры об­шир­но­го ис­сле­до­ва­ния по эс­ха­то­ло­гии – счита­ют, что ка­та­стро­фиче­ское ми­ро­по­ни­ма­ние, свой­ствен­ное со­ци­уму XX в., ха­рак­те­ри­зу­ет­ся осоз­на­нием че­ло­вечес­твом своей и­то­го­вост­и, и это пе­ре­водит во­про­сы эс­ха­то­ло­гии в прак­ти­че­скую плос­кость. Со­бы­тия XX в. – две ми­ро­вые вой­ны, ядер­ная угро­за, техно­ген­ные ава­рии и мно­же­ство гло­баль­ных про­блем – словно «под­вели чер­ту» идеям о ко­неч­ности, ре­пре­зен­ти­руя их на прак­ти­че­ском уровне, в ре­аль­ности [Жел­ти­кова, 2011].

Эс­ха­то­ло­гиче­ский дис­курс со­вре­мен­ности не­од­но­роден, он от­ли­ча­ет­ся ши­ро­той и раз­но­на­прав­лен­но­стью: на­ряду с идеями ко­неч­ности ми­ра и смерт­ности че­ло­вечес­тва, эс­ха­то­ло­гия со­дер­жит и идеи ре­али­за­ции смыс­ла ис­то­рии, ка­чествен­но­го пре­об­ра­же­ния при­ро­ды ми­ра и че­ло­ве­ка. Дру­гими сло­вами, эс­ха­то­ло­гию все­лен­ской ка­та­стро­фы до­пол­няет эс­ха­то­ло­гия на­де­жды. В пер­вую оче­редь это, ко­неч­но, раз­лич­ные ва­ри­ан­ты фи­на­ли­зма. Здесь: 1) «ан­тро­по­ло­гиче­ская эс­ха­то­ло­

гия», то есть конец существования человека как вида; 2) «физическая эсхатология» – глобальный катаклизм в масштабах всей физической Вселенной; 3) «темпоральная эсхатология» – непосредственно наблюдаемое ускорение всех происходящих в мире процессов – рассматривается как признак прогрессирующего «сжатия» времени, завершением которого и станет остановка мира, его «конец»; 4) «социальная эсхатология» – распад социальной реальности [Желтикова, 2011, с. 21–22].

Эсхатологические мотивы присутствовали в литературе XIX в. Русские писатели предсказывали трагические последствия бурного технического прогресса, деструктивных действий определенных социальных сил. В книге «Достоевский и Апокалипсис» Ю. Карякин пишет: «...XX век превратил абстрактную возможность смерти (самоубийства) человечества – в возможность предельно реальную, т.е. в технологически-практическую. Человечество действительно оказалось перед выбором между жизнью и смертью, подойдя к пределу пределов, к порогу: впервые оно как род стало практически смертным в условиях ядерной, экологической и террористической угроз» [Карякин, 2009, с. 11].

В литературе второй половины XX века эсхатологические мотивы отчетливо проявлены в традиционной прозе. Достаточно полно эсхатологическая топка традиционалистов рассматривается в работах Н.С. Цветовой. В культуре рубежа веков мотив апокалипсиса представлен в поэтике наиболее популярного жанра – литературной и кинематографической антиутопии.

Постапокалиптика, обращаясь к архаическому типу мышления, в новых техногенных декорациях разыгрывает сюжеты древнейших мифов о сотворении и уничтожении мира [Березовская, Демченков, 2016, с. 66]. Как вариант из архетипического эсхатологического мифа можно выделить четыре повторяющихся цикла (за исключением христианской эсхатологии). «1) Мир погружается в хаос, упадок виден во всех сферах человеческого существования, на земле царит всеобщее падение нравов и развращение, торжество порока. Архетипическими фактами являются нашествие чудовищ, война, голод, природные аномалии и катастрофы, десакрализация и осквернение сакральных мест. 2) Человечество разделено на две неравные части – малое стадо праведников и большинство грешников, участь первых в преддверии катастрофы ужасна, но будет благой, а вторые торжествуют, но будут наказаны. 3) Описание Последней Битвы как события, завершающего мировую историю и придающего ей смысл. 4) Преобразование нынешнего мира через огненное очищение, возрождение в новом качестве и создание нового, справедливого мира на новых условиях» [Пожаров, 2014, с. 40].

В наши дни эсхатология, Апокалипсис становятся предельно модными понятиями, брендом [Гусева, 2008, с. 37]. Среди наиболее популярных авторов, работающих с этой темой, – Дмитрий Глуховский. Роман Дмитрия Глуховского «Метро 2033» является ярким примером современной эсхатологической прозы. Сам роман выпущен издательством «Эксмо» в 2005 г. и переиздан издательством «Популярная литература» в 2007 г. На европейском литературном конкурсе «Еврокон» роман назван «Лучшим дебютом» 2007 г. Огромные тиражи и популярность

романа заставляют нас обратить на него внимание. Повествование носит развлекательный характер, но поднимаемые в романе вопросы заслуживают того, чтобы это произведение отнести к разряду более серьезной литературы.

Книга повествует о людях, оставшихся в живых после ядерной войны, произошедшей в 2013 г. В результате обмена ядерными ударами все крупные города были стерты с лица земли. Постапокалиптический сюжет начинает развиваться, как правило, спустя значительное время после катастрофы, когда ее «поражающие факторы» сами по себе уже перестали действовать. Почти все действие разворачивается в Московском метрополитене, где на станциях и в переходах живут люди. В произведениях, в которых раскрывается эсхатологическая проблематика, до читателя обычно доводится в сжатом виде история общества с момента катастрофы: непосредственно за ней следует период дикости, затем выжившие концентрируются вокруг сохранившихся источников жизнеобеспечения, стихийно образуются те или иные новые социальные структуры. Благодаря оперативным действиям служб гражданской обороны метрополитен удалось оградить от радиации: почти на всех станциях были закрыты гермозатворы, а в системах вентиляции и водоснабжения активированы противорадиационные фильтры. Судя по всему, в момент гибели Москвы в метро смогло укрыться около 70 000 человек. К моменту начала сюжета все перечисленные этапы уже обычно завершены, на пригодной для жизни территории создается определенный конгломерат сообществ, складывается более или менее устойчивое равновесие сил. По прошествии двадцати лет после ядерной войны в метро живет около 50 000 человек. При этом лишь менее половины станций обитаемы: часть станций заброшена, часть изолирована обрушением тоннелей, часть сгорела. Некоторые станции захвачены существами с поверхности.

Главный герой книги, Артем (24-летний молодой человек), живет на станции «ВДНХ», страдающей от нашествия так называемых «черных» (мутантов), идущих со стороны «Ботанического сада». На их станцию приходит загадочный человек – Хантер, который берется разобраться с этой ситуацией. В итоге после разговоров с разными людьми Хантер останавливает свой выбор на Артеме и поручает ему миссию дойти до Полиса, разыскать там некоего Мельника и передать запаянную гильзу с посланием, в котором содержится просьба о помощи, т.к., по его мнению, гибель грозит всему метро. Далее идут описания приключений главного героя по разным станциям и того, как живут люди спустя 20 лет после катастрофы.

Глуховский дает описание героя и нового поколения людей: «Артему было двадцать четыре, и родился он еще там, сверху, и был он еще не такой худой и бесцветный, как все родившиеся в метро, не осмеливавшиеся никогда показываться наверх, боясь не столько радиации, сколько испепеляющих и губительных для подземной жизни солнечных лучей» [Глуховский, 2017, с. 10]. Родители Артема погибли от нашествия гигантских крыс, но мать успела передать мальчика в руки солдата. Романное пространство – метро, подземка по не-

которым признакам восходит к архетипу ада, но это место своеобразного благополучия относительно «верха».

За двадцать лет в метро наладилась своя жизнь. Станции стали независимыми и самостоятельными, своеобразными карликовыми государствами, со своими идеологиями и режимами, лидерами и армиями. «Они воевали друг с другом, объединялись в федерации и конфедерации, сегодня становясь метрополиями воздвигаемых империй, чтобы завтра быть поверженными и колонизированными вчерашними друзьями или рабами» [Глуховский, 2017, с. 12]. Также они копили военную мощь, чтобы отвечать на набеги соседей и давать отпор всей той нечисти, что лезла изо всех дыр и туннелей, которая была «искаженным, извращенным, но все же продолжением. И подчинялись они все тому же главному импульсу, которым ведомо все органическое на этой планете. Выжить. Выжить любой ценой» [Глуховский, 2017, с. 13].

Таким предстает мир метро и мир людей, лишившихся прежних условий существования. Уровень жизни на разных станциях различался. Были станции зажиточные, были и нищие. И несмотря на сложившуюся ситуацию, выжившие люди не смогли договориться между собой, жить одним единым обществом и помогать друг другу. Вместо этого в метро возникали войны и революции. Эти события отражают слова Христа, как апокалиптического пророка, возвещавшего о конце мира: «Ибо восстанет народ на народ и царство на царство; и будут землетресения по местам, и будут глады и смятения. Это начало болезней» (Мк. 13:8). Также на разных станциях устанавливались разные системы ценностей, различные идеологии. Тут были коммунисты, фашисты, сектанты и т.д. Мир кардинально изменился, а люди сохраняют прежние социальные привычки и модели поведения.

На поверхности после ядерной войны возник радиационный фон. Нормальной жизни не было, но все те, кто остался на поверхности и выжил в третьей мировой – мутировали. В метро находились люди, которые отваживались подняться наверх. «Работники метро были для всех остальных все равно, что проводниками-туземцами для научных экспедиций в дремучих джунглях» [Глуховский, 2017, с. 12]. Через них выжившие узнавали, что же все-таки там наверху, как изменился мир после катастрофы. Их называли сталкерами. Это были «те редкие смельчаки, которые отваживались показаться на поверхность в защитных костюмах, противогазах с затемненными стеклами, вооруженные до зубов. Эти люди поднимались туда за необходимыми всем предметами – боеприпасами, аппаратурой, запчастями, топливом... Несли жизнь» [Глуховский, 2017, с. 29–30].

В разговоре сталкера и главного героя выясняется об угрозе сверху. Угроза – это мутанты («черные»). Со слов Хантера черные – это угроза всему метро, всему прогрессивному человечеству, которое доигралось с прогрессом. «Пора платить! Борьба видов, Охотник. Борьба видов. И эти черные – не нечисть, Охотник, и никакие это не упыри. Это – хомоновус. Следующая ступень эволюции. Лучше нас приспособленная к окружающей среде. Будущее за ними, Охотник!.. Мир

больше не принадлежит нам...» и дальше он продолжает: «Сдавайся, сапиенс! Ты больше не царь природы!» [Глуховский, 2017, с. 34]. Подчеркивается момент отхода от нормы, ее инверсия в области биологической природы человека (анти-норма наделяется эсхатологическим значением).

Устами одного из героев, которого Артем встречает на своем пути, Глуховский транслирует один из вариантов мировосприятия, близкого к религиозному: «Всему пришел конец, мой друг. Я не знаю точно, как это получилось, но на этот раз человечество перестаралось. Больше нет ни рая, ни ада... Нет больше чистилища. Нам довелось жить в очень странном мире, в мире, в котором после смерти душе предстоит остаться точно там же... Теперь и Эдем и Преисподняя находятся здесь же... Похоже, что на сей раз кто-то заковал в трубы саму Лету, реку смерти...» [Глуховский, 2017, с. 93].

Таким образом, автор показывает важнейший аспект времени «пост-» – религиозный, который характеризуется разным отношением к Богу – от страха его кары до полного отрицания. То абсолютное зло, с которым встретилось не одно поколение XX в., подвергло сомнению существование Бога, и ощущение богооставленности мира обострилось.

Интересна в романе религиозная точка зрения на сложившуюся ситуацию у Свидетелей Иеговы, которых Артем также встречает на своем пути. Он сам не может принять их точку зрения на объяснение происходящего. По его вопросу и реакции Свидетелей становится понятна слабость их позиции: «Первые люди, Адам и Ева, согрешили, намеренно нарушив закон Бога. Поэтому Иегова изгнал их из рая, и рай был утерян (Быт. 3:1–6). Но Иегова не забыл, для чего сотворил землю. Он обещал превратить ее в рай, в котором будут вечно жить люди. Как Бог исполнит свой замысел. Прежде чем земля станет раем, должны быть удалены злые люди (Псал. 36:38)... Затем Сатана будет скован на 1000 лет. Не будет никого, кто вредил бы земле. В живых останется только народ Бога! 1000 лет над землей будет править Царь Христос Иисус!.. Мы, живущие в метро, – и есть народ Божий! Мы выжили в Армагеддоне!» [Глуховский, 2017, с. 197]. Однако фрагмент романа со всей очевидностью представляет трансформацию и профанирование в изображении религиозных представлений, травестию христианства. «Для европейской культуры художественная мета- и протоформула всякой тотальной катастрофы, предполагающей после себя восстановление справедливости, пришествие Спасителя, Страшный суд и воздаяние каждому по делам его, наиболее ярко и полно представлена библейским откровением Иоанна Богослова» [Косякова, 2018, с. 19].

Кризис природы человека связывается с неконтролируемым развитием техносферы, угрозой разрушительного применения достижений научно-технического прогресса. Мотив распространения научного знания и технического прогресса как признака наступающих «последних времен» является «традиционным апокрифическим элементом» народной культуры. В массовом сознании отражались «...как чаяния, так и опасения, связанные с развитием нау-

ки и техники, а тема губительных для человечества научных достижений и порабощения человека машиной популярна с конца 19 века (С. Батлер, Г. Уэллс и т.д.)». Наука и техника наделялись демоническим характером и в таком качестве эсхатологически переосмысливались. Мнение по поводу такого рода разрушительных последствий научно-технического прогресса Глуховский вложил в уста жреца секты, члены которой поклонялись Великому червю. Впоследствии мы узнаем, что он был до катастрофы студентом и изучал в университете философию и психологию. Его объяснение случившегося следующее: «За что наказывает людей этот Великий червь? – не понял Артем. – За гордыню, – ответил жрец». [Глуховский, 2017, с. 307].

В романе жрец-идеолог поясняет, что Великий червь сотворил человека последним, и был человек самым любимым его детищем. Одарив людей разумом, Червь ушел в недра земли. Другим существам не дал разума, а человеку дал. Но *homo sapiens* неправильно распорядился этим даром. Со временем люди, забыв наставления Червя, отреклись от него, решив, что весь мир создан ими и у них есть безграничные права на все. «И зажгли огонь, и стали убивать созданий, которых создал Великий червь, говоря: вот, вся жизнь, что вокруг, наша, и здесь, только чтобы утолить наш голод... И создали тысячи машин разных: исторгающих пламя, и плюющих железом, и рвущих землю на части. И стали уничтожать землю, и все живое, что было в ней. И тогда не выдержал Великий червь, и проклял их: отнял у них самый ценный дар свой – разум. Овладело ими безумие, обратили они свои машины друг против друга, и стали убивать один другого. И уже не помнили, зачем делают то, что делают, но не могли остановиться. Так покарал Великий червь человека за гордыню» [Глуховский, 2017, с. 308].

Таким образом, роман-антиутопия Дмитрия Глуховского «Метро 2033» реализует комплекс эсхатологических мотивов: мотив Конца света, катастрофического существования людей, выживших после ядерного взрыва (аналог Армагеддона), борьба за выживание, за материальные ресурсы. Художественному воплощению мотивов способствуют сюжетные действия, прямые высказывания героев, в которых мы обнаружили ряд библейских аллюзий. Как считают исследователи Б.А. Ланин и М.М. Боришанская, наиболее повторяющимися мотивами в антиутопии являются библейские, мотив разделения души и тела, садомазохистские мотивы, мотив авантюрного плана. Помимо библейских (апокалиптические / эсхатологические) мотивов, в анализируемом тексте есть целый ряд признаков, позволяющих отнести его к жанру антиутопии: соединение реальности и фантастики, локализация пространства, антропоцентризм, катастрофичность описываемых событий, описание социальных, биологических и культурных трансформаций, травестия христианства и другие. Глуховский использует гротесковое преувеличение в отношении и современных тенденций, как практически все писатели-антиутописты. Развернутое доказательство принадлежности романа Дмитрия Глуховского «Метро 2033» к жанру антиутопии, а также сопоставление с другими подобными образцами (романами Арка-

дия и Бориса Стругацких, повестью В. Маканина «Лаз») представляет перспективу для дальнейшего исследования. Роман выполняет функцию социального прогнозирования. В осмыслении ключевых проблем человеческого существования в ситуации антропологической, экологической и военной катастроф, кроме религии, философии и науки, накопивших значительный интеллектуальный опыт постановки и рефлексии проблем конца существования мира и человека, особое значение имеет также литература.

Библиографический список

1. Березовская Л.С., Демченков С.А. Постапокалиптика как жанр научной / паранаучной фантастики // Гуманитарные исследования. 2016. № 4 (13).
2. Гаспаров Б.М. Литературные лейтмотивы. Очерки по русской литературе XX века. М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1993. 304 с.
3. Глуховский Д.А. Метро 2033. М.: АСТ, 2017. 384 с.
4. Гусева О.Н. Философский анализ современных эсхатологических представлений // Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса. 2008. № 3.
5. Желтикова И.В., Гусев Д.В. Ожидание будущего: утопия, эсхатология, танатология: монография. Орел: Изд-во ОГУ, 2011. 172 с.
6. Карякин Ю.Ф. Достоевский и Апокалипсис. М.: Фолио, 2009. 700 с.
7. Косякова В. Апокалипсис Средневековья. Иероним Босх, Иван Грозный, Конец Света. М.: АСТ, 2018. 400 с.
8. Невский Б. По ком звонит колокол. Фантастический апокалипсис // Мир фантастики. 2007. № 2.
9. Пожаров А.И. Современная постапокалиптика как форма существования эсхатологического мифа на примере компьютерной игры «S.T.A.L.K.E.R.» // Обсерватория культуры. 2014. № 5. С. 39–43
10. Смирнов Е.С. Роман (имярек) «Метро 2033» в перспективе поэтики постапокалиптической словесности XXI в. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2013.
11. Фельзингер Л.В. Постапокалиптические мотивы в современной американской культуре: литература и кино. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2016.
12. Цветова Н.С. Русская литературная эсхатология. XX век: Эсхатологические идеи писателей-традиционалистов. Lar LAMBERT: Akademik Publishing, 2012. 242 с.

Сведения об авторе

Сазанов Владимир Владимирович – аспирант кафедры мировой литературы и методики ее преподавания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: sazan-rubin@mail.ru

ESCHATOLOGICAL MOTIFS IN THE NOVEL BY DMITRY GLUKHOVSKY «METRO 2033»

V.V. Sazanov (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

The article is devoted to the study of the novel "Metro 2033" by D. Glukhovsky. The aim of the work is to identify the eschatological motives of this work. The method of research of historical-literary and motivic analysis. In the process of the analysis the world outlook preconditions are considered and the ideas of finiteness of the world and mortality of mankind, eschatological ideas of realization of sense of history, transformation of the nature, the world and the person are found out. Dmitry Glukhovsky's novel is a model of modern prose with eschatological problems, performing the function of social forecasting.

Key words: *D.A. Glukhovsky, «metro 2033», anti-utopia, post-Apocalypse, post-apocalyptic, eschatology, catastrophe.*

Bibliograficheskiy spisok

1. Berezovskaya L.S. Demchenkov S.A. Postapokaliptika kak zhanr nauchnoj / paranauchnojfantastiki // Gumanitarnyeissledovaniya. 2016. № 4 (13).
2. Gasparov B.M. Literaturnye lejtmotivy Ocherki po russkoj literature XX veka // M.: Nauka Izdatelskaya firma Vostochnaya literature, 1993. 304 s.
3. Gluhovskij D.A. Metro 2033. M.: AST, 2017. 384 s.
4. Guseva O.N. Filosofskij analiz sovremennyh ehskhatologicheskikh predstavlenij // Vestnik asociacii vuzov turizmai servisa. 2008. № 3.
5. ZHeltikova I.V., Gusev D.V. Ozhidanie budushchego: utopiya, ehskhatologiya, tanatologiya: monografiya. Orel: Izd-tvo OGU, 2011. 172 s.
6. Karyakin Yu.F. Dostoevskij i Apokalipsis. M.: Folio, 2009. 700 s.
7. Kosyakova V. Apokalipsis srednevekovya. Ieronim Boskh. Ivan Groznyj. Konec sveta // M.: AST, 2018. 400 s.
8. Nevskij B. Po kom zvonit kolokol. Fantasticheskij apokalipsis // Mir fantastiki. 2007. № 2.
9. Pozharov A.I. Sovremennay apostapokaliptika kak forma sushchestvovaniya ehskhatologicheskogo mifa na primere komp'yuternojigry «S.T.A.L.K.E.R.» // Observatoriya kul'tury. 2014. № 5. S. 39–43.
10. Smirnov E.S. Roman (imyarek) "Metro 2033" v perspektive pohtiki "Postapokalipticheskoy" slovesnosti XXI v / Krasnoyarsk: Izd-vo Sibirskij fed. jun-t. 2013.
11. Fel'zinger L.V. Postapokalipticheskie motivy v sovremennoj amerikanskoj kul'ture: literaturai-kino. SPb.: Sankt-Peterburgskij Gosudarstvennyj Universitet, 2016.
12. Cvetova N.S. Russkaya literaturnaya ehskhatologiya XX vek EHskhatologicheskije idei pisatelej-tradicionalistov // Lar LAMBERT Akademik Hublishing, 2012. 242 s.

About the author

Sazanov Vladimir Vladimirovich – Post-graduate student Department of World Literature and Methods of its Teaching, Krasnoyarsk state pedagogical University named after V.P. Astafiev; e-mail: sazan-rubin@mail.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Правила оформления и требования к рукописям статей

К рассмотрению (рецензированию) допускаются рукописи, соответствующие приведенным ниже требованиям.

1. Рукописи статей необходимо оформлять в соответствии с международными профессиональными требованиями к научной статье: объемом не менее 0,5 печатного листа (20 000 знаков), шрифт Times New Roman, кегль 14, интервал 1,5.

2. Текст рукописи статьи должен иметь следующую структуру: постановка проблемы, цель статьи, обзор научной литературы по проблеме, методология (материалы и методы), результаты исследования, заключение (выводы в соответствии с целью статьи, авторский вклад).

3. При цитировании обязательно указание ссылок на *все* источники из библиографического списка: «...» [Иванов, 2017, с. 119].

4. Таблицы, рисунки и графики оформляются в тексте статьи и отдельным файлом. *Просьба в названии файлов указывать свою фамилию («Иванов_статья», «Иванов_таблица»).*

Названия таблиц, рисунков *обязательно сопровождаются переводом на английский язык*, что позволяет повысить читаемость статей для зарубежных авторов.

5. К рукописи статьи (в том же файле) прилагаются публикуемые сведения *на русском и английском языках:*

заглавие _____ – содержит название статьи, инициалы и фамилию автора / авторов, УДК;

адресные сведения об авторе – указываются место работы, занимаемая должность, ученая степень, почтовый рабочий адрес с индексом города, страна, адрес электронной почты (*все сведения предоставляются полностью без сокращений*);

аннотация статьи – краткое изложение основного содержания статьи и ее обобщающих результатов (не более 200 слов / 1500 знаков).

Требования к содержанию и структуре аннотации

В аннотации сохраняется структура статьи: очень кратко, постановка проблемы, цель статьи, обзор научной литературы по проблеме, методология (материалы и методы), результаты исследования, выводы в соответствии с целью статьи, авторский вклад. Соответственно на английском языке: problem statement, purpose of the article, review of scientific literature on the problem, methodology (materials and methods), research results, conclusions in accordance with the purpose of the article, author's contribution.

ключевые слова (10–15);

пристатейный список литературы – научные статьи, монографии, из них желательно статьи из зарубежных (Scopus, Web Of Science) журналов за последние 3–5 лет с указанием DOI для всех источников при его наличии – оформляется в алфавитном порядке в соответствии с требованиями

ГОСТ Р 7.0.5–2008 и в соответствии с международными стандартами, принятыми редакцией (транслитерация и перевод);

данные по каждому источнику предоставляются в соответствии с оригинальным *переводом* названия статьи, названием журнала, в т.ч. и транслитерации фамилий авторов; ссылки в тексте оформляются в квадратных скобках, содержат фамилию (фамилии) автора, год издания и страницы цитируемой работы. Ссылки на другие виды источников (архивную, нормативную, публицистическую, справочную, учебно-методическую литературу, словари, авторефераты диссертаций...) оформляются внутри текста статьи подстрочными ссылками.

Сопроводительные сведения к статье (в одном файле со статьей)

I. Библиографический список на русском языке и References

II. На английском языке:

И.О.Ф. автора

Название статьи

Аннотация

Ключевые слова

III. Сведения об авторе и контактная информация на русском и английском языках.

ОБРАЗЕЦ

УДК 378

НОВЫЕ СТАНДАРТЫ – НОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ И ТЕХНОЛОГИИ ОБУЧЕНИЯ

А.Г. Сидорова (Красноярск, Россия)

Аннотация

Ключевые слова

Текст

Библиографический список

1. Голуб Г.Б., Фишман И.С., Фишман Л.И. Общие компетенции выпускников высшей школы: что стандарт требует от вуза // Вопросы образования. 2013. № 1. С. 156–173.

2. Дьяченко М.И., Кандыбович Л.А. Психологические проблемы готовности к деятельности. Минск: Изд-во БГУ, 1976. 274 с.

3. Зимняя И.А. Компетентностный подход. Каково его место в системе современных подходов к проблемам образования? (Теоретико-методологический аспект) // Высшее образование сегодня. 2006. № 8. С. 21–26.

4. Шкерина Л.В. Междисциплинарные модули в программе бакалавриата педагогического направления подготовки: проектирование и реализация // Образование и общество. 2015. № 1 (90). С. 65–70.

5. Shershneva V.A., Shkerina L.V., Sidorov V.N., Sidorova T.V., Safonov K.V. Contemporary Didactics in Higher Education in Russia // European Journal of Contemporary Education. 2016. Vol. 17. P. 357–367. DOI:10.13187/ejced.2016.17.357 www.ejournal1.com

Сведения об авторе на русском языке

NEW STANDARDS – NEW CONTENT AND TECHNOLOGY EDUCATION A.G. Sidorova (Krasnoyarsk, Russia)

Annotation (английский перевод аннотации)

Key words (английский перевод ключевых слов)

References (образец см. ниже)

Образец оформления References

При ссылке на русскоязычный источник обязательны транслитерация (по системе Библиотеки Конгресса США) и перевод (текст заключается в **квадратные скобки**):

Iakovlev, I.I., Khasan, P.H. (2015). **Keramika vostochnykh slavian** [Ceramics of the Eastern Slavs], *In Sovetskaiia arkhologiiia [Soviet archeology]*, 1, 5–10. DOI:

При ссылке на книгу / монографию на английском языке название выделяется *курсивом*. После названия ставится **точка**, затем указываются город и через **запятую** издательство. В конце после **запятой** приводится общее количество **страниц**.

Chomsky, N. (1965). *Aspects of the Theory of Syntax*. Cambridge, Massachusetts, MIT Press, 495 p.

При ссылке на статью из сборника или главу из книги на английском языке название статьи / главы приводится **прямым шрифтом**, название источника – *курсивом*.

Mattson Bean, J., Johnstone, B. (1994). Workplace reasons for saying you're sorry: Discourse Management and Apology in Telephone Interviews, *In Discourse processes* (17).

Ссылка на Интернет-ресурс оформляется следующим образом:

APA Style (2011). Available at: <http://www.apastyle.org/apa-style-help.aspx> (accessed 5 February 2011).

About the author

Alevtina G. Sidorova, PhD in Education, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev, Krasnoyarsk, Russian Federation.

Научное периодическое электронное сетевое издание

**СИБИРСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФОРУМ
КРАСНОЯРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА им. В.П. АСТАФЬЕВА**

2019. № 1 (5)

Журнал

Редактор М.А. Исакова
Корректор Ж.В. Козупица
Редактор английского текста В.Е. Пэшко
Технический редактор В.В. Ингул
Верстка Н.С. Хасаншина

660049, Красноярск, ул. А. Лебедевой, 89.
Редакционно-издательский отдел КГПУ им. В.П. Астафьева,
т. 217-17-82

Подготовлено к изданию 28.01.19.
Формат 60x84 1/8.
Усл. печ. л. 10,12